

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10 декабря 2009 г. Издается с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 4

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редационный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабибулин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:

Кочешев Сергей Петрович,
заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:

Климова К.М.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел. / факс: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:

«Каталог российской прессы» — 24273;

«Объединенный каталог. Пресса России» —
24782.

Также можно подписаться на сайтах:

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Печ. л. 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Подписано в печать 04.03.2019.

Выход в свет 10.04.2019.

ISSN 2070-2108.

Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Александрова Н.Г. О некоторых проблемах,
вытекающих при направлении военнослужащих
на переподготовку по одной из гражданских
специальностей при увольнении с военной службы 3

Брежнев О.В. Институт отсрочки от призыва граждан
на военную службу в свете решений
Конституционного Суда Российской Федерации 6

Харитонов С.С. К вопросу обеспечения законности
действий командования при увольнении
военнослужащих с военной службы..... 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Гусарова Н.В. К вопросу об актуальности рассмотрения
правового статуса военнослужащих подразделений
пограничного контроля 15

Иванов А.А. Принципы оценки эффективности
военной контрразведки в условиях
вооруженного конфликта 20

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА

Пахомов А.В., Карлов М.Ф. Правовой режим
применения оружия сотрудниками органов
государственной охраны (анализ отдельных изменений
в законодательстве Российской Федерации) 24

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Пузанов В.Д. Военные силы сибирского корпуса
в 60-е годы XVIII в. 28

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

**Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикаций основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук**

MILITARY JURIDICAL JOURNAL

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) PI No. FC77-38319 December, 10. 2009. Published since 2006, published monthly.

No. 4

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences

Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Truntsevskij Yuriy Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Tuganov Yuriy Nikolaevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief:

Kocheshev Sergey Petrovich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
candidate of juridical sciences

Responsible editor:

Klimova K.M.

Editor in Chief

of Jurist Publishing Group:

Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences

Tel. / fax: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow.

Subscription in Russia:

Catalogue of the Russian press — 24273;

Unified Catalogue. Russian Post — 24782.

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Printer's sheet 4,0.

Circulation 2000 copies.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing 04.03.2019.

Edition was published 10.04.2019.

ISSN 2070-2108. Free market price.

CONTENTS

RELEVANT ISSUES OF MILITARY SERVICE

Aleksandrova N.G. On Some Problems Resulting
from Sending Military Personnel for Retraining
under One of Civil Occupations at Discharge
from Service 3

Brezhnev O.V. The Institution of Deferred Military Service
of Citizens in View of Judgments of the Constitutional Court
of the Russian Federation 6

Kharitonov S.S. On Ensuring Legality
of Command Actions in Case of Discharge
of Military Personnel from Service 11

STATE SECURITY

Gusarova N.V. On the Relevancy of Review
of the Legal Status of Military Personnel
of Border Control Subdivisions 15

Ivanov A.A. Principles of Assessment of Efficiency
of Military Counterintelligence
in Armed Conflict Conditions..... 20

STATE PROTECTION

Pakhomov A.V., Karlov M.F. The Legal Regime
of Weapon Employment by Employees
of State Protection Authorities. (An Analysis of Separate
Changes in the Laws of the Russian Federation)..... 24

HISTORICAL JOURNEY

Puzanov V.D. Military Forces of the Siberian Corps
in the 1760s 28

*The journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publications of basic results of candidate and doctor of theses**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ПРИ НАПРАВЛЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ПЕРЕПОДГОТОВКУ ПО ОДНОЙ ИЗ ГРАЖДАНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

*Александрова Наталья Геннадиевна,
доцент кафедры 20 (военного права) Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
и заместитель начальника кафедры кадрового, правового обеспечения
Академии государственной противопожарной службы
МЧС России (Академия ГПС МЧС России),
кандидат юридических наук
nata2lex@mail.ru*

Одним из видов социальных гарантий военнослужащих является право на получение образования. Право военнослужащих, увольняемых с военной службы, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей является одним из этапов перехода к другому образу жизни. В статье исследуется вопрос получения профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей. Обосновывается необходимость совершенствования ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Ключевые слова: социальные гарантии, военнослужащие, получение образования, профессиональная переподготовка.

On Some Problems Resulting from Sending Military Personnel for Retraining under One of Civil Occupations at Discharge from Service

*Aleksandrova Natalya G.
Associate Professor of Department 20 (of Military Law) of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation and Deputy Head
of the Department of Personnel and Legal Support of the State Fire Academy
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
(SPA of EMERCOM of Russia)
Candidate of Legal Sciences*

One of the types of social guarantees of military personnel is the right to education. The right of military personnel dismissed from military service to professional retraining in one of the civilian specialties is one of the stages of transition to another way of life. This article examines the issue of professional retraining on one of civil specialties. The need to improve article 19 of the Federal law "On the status of servicemen" is substantiated.

Keywords: social guarantees, military personnel, education, professional retraining.

Обеспечение военнослужащих социальными гарантиями является важным направлением деятельности государства, направленным в том числе на стимулирование военнослужащих к добросовестному и качественному выполнению возложенных на них задач. Данной теме посвящено множество научных работ¹.

¹ Корякин В.М. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в борьбе с международным терроризмом // Право в Вооруженных силах. 2016. № 2; Коря-

кин В.М. Федеральный закон «О статусе военнослужащих»: 20 лет спустя // Военное право. 2018. № 4; Кудашкин А.В., Фатеев К.В., Харитонов С.С. Присвоение воинских званий должно носить стимулирующий и антикоррупционный характер // Военное право. 2009. № 2; Корякин В.М. Правовые средства стимулирования военнослужащих к заключению новых контрактов о прохождении военной службы на воинских должностях солдат, матросов, сержантов и старшин // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 4; Туганов Ю.Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах.

Одним из видов таких социальных гарантий является право на получение образования. Вопросы, связанные с реализацией военными данного вида социальной гарантии, также освещались многими авторами ранее².

Пунктом 4 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»³ (далее — Федеральный закон «О статусе военнослужащих») закреплено право на бесплатное прохождение профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей, с сохранением обеспечения всеми видами довольствия, продолжительностью до четырех месяцев военными, являющимися гражданами Российской Федерации, проходящими военную службу по контракту, при условии наличия у них общей продолжительности военной службы не менее пяти лет (не считая времени прохождения ими обучения в военных профессиональных образовательных организациях и военных образовательных организациях высшего образования), в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями. Порядок и условия прохождения переподготовки определяются Министерством обороны Российской Федерации либо другим федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Право военнослужащих, увольняемых с военной службы, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей является одним из этапов перехода образа жизни гражданина «с военных на гражданские рельсы». Получая «гражданское» образование, военный психологически адаптируется к новой жизни, которая не сопряжена с ограничениями и лишениями, обусловленными военной службой. С учетом того, что

получаемое образование по «гражданской» профессии может значительно изменить жизнь военнослужащего в дальнейшем, к выбору специальности и учебного заведения, в котором ее получают, необходимо подходить взвешенно и ответственно⁴.

Исходя из положений Федерального закона «О статусе военнослужащих», главными условиями для предоставления военному праву на переподготовку являются:

- 1) наличие гражданства Российской Федерации;
- 2) общая продолжительность военной службы не менее пяти лет (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях);
- 3) прохождение военной службы по контракту (военные, проходящие военную службу по призыву такого права не имеют);
- 4) увольнение по одному из указанных оснований:
  - достижение предельного возраста пребывания на военной службе;
  - истечение срока военной службы;
  - по состоянию здоровья (признание ограниченно годным или негодным к военной службе);
  - в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Данный перечень оснований исчерпывающий. Требования о наличии у военнослужащего какого-либо уровня образования в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» также не указано.

Согласно подп. 2 п. 4 ст. 12 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»)⁵ программа профессиональной переподготовки относится к дополнительным образовательным программам. В соответствии с подп. 1 п. 10 ст. 60 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» повышение либо присвоение квалификации по результатам дополнительного профессионального образования подтверждается удостоверением о повышении квалификации или дипломом о профессиональной переподготовке.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 76 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» целью дополнительного профессионального образования являются удовлетворение образовательных, а также профессиональных по-

2012. № 5 (179). С.61–66 ; Туганов Ю.Н. Особенностиощрения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретический аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 3 (48). С. 94–101.

² Корякин В.М. О праве военнослужащих на получение образования в гражданских образовательных организациях // Право в вооруженных силах. 2015. № 2 ; Туганов Ю.Н., Журавлев С.И., Демьянов В.А. Профессиональная подготовка специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства : монография. М., 2015. 142 с. ; Харитонов С.С. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на образование: правовое регулирование и вопросы судебной практики // Вестник военного права. 2018. № 3.

³ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁴ Харитонов С.С. О соотношении законности и резонности при реализации права военнослужащих на профессиональную переподготовку // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 21.

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

требностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации изменяющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды.

Также следует отметить, что данным федеральным законом установлена структура образования в Российской Федерации (ст. 10), в которую входит общее образование (дошкольное образование, начальное общее образование, основное общее образование, среднее общее образование) и профессиональное (среднее профессиональное образование, высшее образование). В свою очередь, среднее профессиональное образование может быть получено при прохождении обучения по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, программы подготовки специалистов среднего звена.

Согласно положениям п. 3 данной статьи Федерального закона, к освоению дополнительных профессиональных программ могут быть допущены лица, у которых имеется среднее профессиональное и (или) высшее образование, а также лица, которые получают среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Положения ст. 33 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁶ предусматривают возможность подписания контракта о прохождении военной службы гражданами, не имеющими среднего профессионального образования.

Таким образом, по Федеральному закону «О статусе военнослужащих», при наступлении указанных ранее условий, военнослужащие, проходящие военную службу, не имеющие среднего профессионального образования, имеют право на получение профессиональной подготовки по одной из гражданских специальностей (право на дополнительное профессиональное образование), а согласно Федеральному

закону «Об образовании в Российской Федерации» такие лица не могут быть допущены к получению дополнительного образования. Из этого вытекает, что между указанными Федеральными законами имеется противоречие.

Полагаем, что при наличии у военнослужащих указанной категории такого права (даже при отсутствии среднего профессионального образования) командование воинской части (иной военной организации) обязано направить такого военнослужащего на обучение. Однако полагаем, что в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» ему не будет выдан соответствующий диплом, а будет только выдана справка.

Но с другой стороны, на наш взгляд, профессиональная переподготовка по одной из гражданских специальностей из самого смысла данного понятия подразумевает наличие у военнослужащего профессионального образования, что он мог быть «переподготовлен». Если у военнослужащего нет профессионального образования, а имеется лишь среднее общее образование (11 классов школы), то значит, и нет образования, по которому он будет переподготовлен.

В связи с изложенным в целях исключения указанных противоречий мы считаем необходимым внести изменения в ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих», установив также в качестве требования для предоставления военнослужащему права на бесплатное прохождение профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей, наличие среднего профессионального и (или) высшего образования, либо при их обучении в целях получения среднего профессионального и (или) высшего образования.

Данные изменения, по нашему мнению, позволят устранить имеющиеся противоречия. Права военнослужащих на переподготовку данные изменения не затронут, так как переподготовка военнослужащих и получение ими образования впервые — это различные виды социальных гарантий.

⁶ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

Литература

1. Корякин В.М. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в борьбе с международным терроризмом / В.М. Корякин // Право в Вооруженных силах. 2016. № 2. С. 14–18.
2. Корякин В.М. О праве военнослужащих на получение образования в гражданских образовательных организациях // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 2. С. 21–29.
3. Корякин В.М. Правовые средства стимулирования военнослужащих к заключению новых контрактов о прохождении военной службы на воинских должностях солдат, матросов, сержантов и старшин // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 4. С. 18–21.
4. Корякин В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих»: 20 лет спустя / В.М. Корякин // Военное право. 2018. № 4. С. 122–129.
5. Кудашкин А.В. Присвоение воинских званий должно носить стимулирующий и антикоррупционный характер / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов // Военное право. 2009. № 2. С. 66–76.
6. Туганов Ю.Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 5 (179). С. 61–66.
7. Туганов Ю.Н. Особенности поощрения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретический аспект / Ю.Н. Туганов // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 3 (48). С. 94–101.

8. Туганов Ю.Н. Профессиональная подготовка специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства : монография / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев, В.А. Демьянов. М. : Граница, 2015. 142 с.
9. Харитонов С.С. О соотношении законности и резонности при реализации права военнослужащих на профессиональную переподготовку / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 21–25.
10. Харитонов С.С. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на образование: правовое регулирование и вопросы судебной практики / С.С. Харитонов // Вестник военного права. 2018. № 3. С. 40–46.

ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ ОТ ПРИЗЫВА ГРАЖДАН НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Брежнев Олег Викторович,
профессор Курской академии государственной и муниципальной службы,
доктор юридических наук, профессор
obrezhnev@yandex.ru*

Проблемы, касающиеся юридической природы, нормативного регулирования и порядка реализации института отсрочки от призыва граждан на военную службу, неоднократно являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В настоящее время сформирован определенный массив его правовых позиций, затрагивающих применение различных оснований отсрочки от призыва. Особое внимание Конституционный Суд РФ уделял оценке используемых федеральным законодателем критериев дифференциации правового статуса призывников. В статье показано развитие основных правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся отсрочки от призыва на военную службу, в форме универсализации или, напротив, ограничительной интерпретации. Раскрыто ценностное значение данных позиций и особенности их имплементации в действующее законодательство Российской Федерации о воинской обязанности и военной службе.

Ключевые слова: военная служба, отсрочка, призыв, конституция, суд, регламентация.

The Institution of Deferred Military Service of Citizens in View of Judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation

*Brezhnev Oleg V.
Professor of the Kursk Academy of Public and Municipal Service
Doctor of Law, Professor*

Problems related to the legal nature, normative regulation and the procedure for implementing the institute of deferment of citizens' conscription for military service have been repeatedly considered by the Constitutional Court of the Russian Federation. At present, a certain array of its legal positions has been formed, affecting the use of various grounds for deferment. The Constitutional Court of the Russian Federation paid particular attention to the assessment of the criteria used by the federal legislator for differentiating the legal status of draftees. The article shows the development of the basic legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning deferment of conscription for military service, in the form of universalization or, on the contrary, restrictive interpretation. The value of these positions and the peculiarities of their implementation in the current legislation of the Russian Federation on military service and military duty are disclosed.

Keywords: military service, deferment, conscription, constitution, court, regulation.

Конституция РФ (ч. 1 и 2 ст. 59), рассматривая защиту Отечества в качестве долга и обязанности гражданина Российской Федерации, устанавливает, что правовое регулирование общественных отношений, связанных с призывом на военную службу и ее прохождением, осуществляется федеральным законом.

Эту задачу в правовой системе РФ выполняет Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее — Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»), который в качестве основной формы реализации конституционной обязанности по защите Отечества рассматривает прохождение военной службы по призыву. Согласно его ст. 22, призыву подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, за исключением тех, которые освобождены от исполнения воинской обязанности, кому предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, и тех, кто не подлежит призыву.

Таким образом, отсрочка от призыва представляет собой временную меру, в силу объективных обстоятельств обуславливающую возможность прохождения военной службы в более поздний срок. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 24) исчерпывающим образом регламентирует основания для отсрочки от призыва, подразделяя их на те, которые носят безусловный характер (п. 1), и те, при наличии которых возникает право на отсрочку (п. 2).

В настоящее время законодательные нормы, регламентирующие институт отсрочки от призыва граждан на военную службу, существенно корректируются правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), сформулированными при рассмотрении им запросов судов общей юрисдикции и жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан отдельными положениями ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Данные правовые позиции выявляют конституционно-правовой смысл института отсрочки от призыва и определяют тем самым не только основные направления совершенствования норм, регламентирующих данный институт, но и конституционные параметры их надлежащего применения, способствуя обеспечению законности при исполнении воинской обязанности.

Общий подход КС РФ к данному институту предполагает, что отсрочка от призыва является по сво-

ей правовой природе не освобождением от военной службы, а *составным элементом установленного законом порядка реализации конституционной обязанности несения военной службы* для определенных категорий граждан. Основное предназначение института отсрочки состоит в обеспечении баланса конституционно значимых ценностей. С одной стороны, необходимость решения задач в сфере обороны и безопасности государства предполагает периодическое пополнение Вооруженных Сил РФ новобранцами, которые после прохождения военной службы зачисляются в запас, чем обеспечивается возможность мобилизационного развертывания и доукомплектования Вооруженных Сил РФ в период мобилизации, приведения их в боевую готовность и в военное время. С другой стороны, заслуживает внимания потребность реализации гражданами конституционных прав и исполнения обязанностей социального характера (образование, забота о детях и нетрудоспособных родителях и др.), что зачастую не может быть осуществлено одновременно с прохождением военной службы¹. Таким образом, в сфере рассматриваемых общественных отношений различные конституционные ценности могут в известных пределах вступать в «конкуренцию» друг с другом. Их баланс должен обеспечиваться федеральным законодателем посредством конституционно обоснованной дифференциации правового статуса лиц, подлежащих призыву на военную службу. Именно эту функцию и выполняет институт отсрочки от призыва, который одновременно является и специфической *гарантией реализации некоторых социальных прав граждан*².

КС РФ сформулировал вывод о том, что к законодательным нормам об отсрочке от призыва применимы конституционные требования о пропорциональности, соразмерности, справедливости ограничений прав граждан, в том числе возникающих в силу вышеупомянутой дифференциации их правового статуса по различным критериям.

Рассматривая в связи с запросом суда общей юрисдикции дело о проверке конституционности норм, ограничивающих возможность предоставления отсрочки в связи с необходимостью завершения очного обучения студентам лишь тех негосударственных образовательных учреждений высше-

¹ См.: Пискунова О.В. К вопросу о законности призыва аспирантов на военную службу // Военно-юридический журнал. 2011. № 12. С. 2–5.

² См.: Никитин А.П. Правовые аспекты соблюдения прав и социальных гарантий граждан при призыве на военную службу // Военно-юридический журнал. 2014. № 10. С. 3–8.

го образования, которые имеют государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям), КС РФ в Постановлении от 21 октября 1999 г. № 13-П отметил, что конституционная обязанность несения военной службы распространяется на всех обучающихся по очной форме обучения, подлежащих призыву, вне зависимости от того, студентом какого образовательного учреждения — государственного, муниципального или негосударственного, имеющего или не имеющего государственную аккредитацию — является гражданин. Однако федеральный законодатель, решая задачи подготовки лиц с высшим образованием, уровень которого должен соответствовать требованиям государственных образовательных стандартов, вправе дифференцировать порядок исполнения соответствующей обязанности: лица, обучающиеся в негосударственных учебных заведениях, имеющих государственную аккредитацию (которая, как известно, официально подтверждает соответствие образовательного процесса требованиям государственных образовательных стандартов), исполняют эту обязанность после завершения обучения, а обучающиеся в тех из них, которые не имеют аккредитации, — до его завершения (при этом они сохраняют возможность продолжить образование после увольнения с военной службы).

КС РФ особо отметил, что подобная дифференциация правового статуса призывников не нарушает конституционный принцип равноправия (ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ), ибо данный принцип применительно к сфере высшего образования предполагает равенство возможностей, в том числе связанных с выбором высшего учебного заведения. Различные правовые последствия реализации этого свободного выбора, в том числе касающиеся порядка исполнения конституционной обязанности несения военной службы, сами по себе не могут рассматриваться как нарушение гарантий конституционного принципа равноправия.

В Определении от 2 июля 2015 г. № 1522-О КС РФ распространил свою правовую позицию, выраженную в Постановлении от 21 октября 1999 г. № 13-П, на обучающихся по программам высшего образования в государственных образовательных учреждениях в случае, если данные программы не имеют государственной аккредитации, в том числе в связи с тем, что реализуются впервые. Данные лица не обладают правом на отсрочку от призыва на военную службу. Тем самым КС РФ еще раз подтвердил, что использование федеральным законодателем в целях регламентации отсрочки дифференциации правового статуса граждан, подлежащих призыву, в зависи-

мости от наличия государственной аккредитации у соответствующего образовательного учреждения не носит дискриминационного характера и конституционно обосновано.

В 2018 г. предметом проверки КС РФ в связи с индивидуальной жалобой гражданина и запросом суда общей юрисдикции являлись нормы подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», в соответствии с которыми отсрочка от призыва могла быть предоставлена дважды только в следующих случаях: на период получения школьного образования и последующего обучения по программам бакалавриата или специалитета либо на период обучения по программе бакалавриата и после него магистратуры. Иными словами, если обучающемуся предоставлялась отсрочка в период школьного обучения, что в ряде случаев имеет место с учетом 11-летней продолжительности получения среднего общего образования, то формально он имел право на отсрочку только при последующем обучении на уровне бакалавриата или специалитета. Если после получения бакалаврского образования он сразу начинал очное обучение по программе магистратуры, отсрочка ему уже не предоставлялась.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека направил в КС РФ инициативное научное заключение по данному делу в порядке, установленном параграфом 34.1 Регламента КС РФ. В нем отмечалась противоречивость сложившейся судебной практики применения соответствующих положений Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». В некоторых субъектах РФ (республики Коми, Мордовия) суды общей юрисдикции подходили формально к толкованию соответствующих норм, считая, что они сами по себе не нарушают право на образование и конституционный принцип равноправия, ибо ограничение возможности получения отсрочки от призыва в данном случае определяется выбором гражданином формы получения образования. В других субъектах РФ (Республика Карелия, Волгоградская, Кемеровская, Тамбовская, Тульская, Тюменская области, город Москва) суды, рассматривая административные иски к призывным комиссиям и военным комиссариатам, напротив, исходили из того, что буквальный смысл данных законоположений придает им дискриминационный характер. Противоречия правоприменительной практики убедительно свидетельствовали о существовавшей неопределенности в части соответствия норм о порядке предоставления отсрочки от призыва в связи с получением высшего образования Конституции РФ.

В Постановлении от 17 апреля 2018 г. № 15-П по данному делу КС РФ пришел к выводу, что федеральный законодатель, регламентируя общественные отношения, связанные с отсрочкой от призыва, нарушил конституционный принцип равноправия, допустив различное обращение с лицами, находящимися в одинаковых (сходных) правовых ситуациях, ибо реализация права на отсрочку ставилась в зависимости в конечном счете от даты рождения лица, начала его обучения в средней школе, т.е. от обстоятельств, объективно не зависящих от воли участников данных правоотношений.

Более того, применение соответствующих норм могло приводить к получению одними лицами преимуществ за счет других лиц, относящихся к той же категории и «вынужденных исполнять соответствующую обязанность в полном объеме незамедлительно, что является отступлением от принципа справедливости и в конечном итоге вступает в противоречие с запретом осуществления прав и свобод человека и гражданина вопреки правам и свободам других лиц».

Исходя из этого, КС РФ признал оспоренные нормы не соответствующими Конституции РФ (ч. 3 ст. 17, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 и 3 ст. 43, ч. 3 ст. 55, ч. 1 и 2 ст. 59). Впредь до внесения изменений в федеральное законодательство отсрочка от призыва на военную службу должна предоставляться гражданам, обучающимся по очной форме обучения по программам магистратуры, не имеющим диплома специалиста или магистра и поступившим на обучение в магистратуру в год получения высшего образования по программам бакалавриата.

Позже КС РФ в связи с запросом суда общей юрисдикции рассматривал и дело о проверке конституционности норм Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», которые препятствовали получению отсрочки от призыва в том случае, если лицо воспользовалось отсрочкой для завершения среднего общего образования, а затем в год окончания школы поступило на очную форму обучения в образовательную организацию среднего профессионального образования. В данной ситуации законодательное регулирование формально не допускало даже «повторной» отсрочки.

В Постановлении от 22 мая 2018 г. № 19-П по данному делу КС РФ, ссылаясь на правовые позиции, ранее сформулированные в Постановлении от 17 апреля 2018 г. № 15-П, пришел к выводу о неконституционности соответствующего регулирования, которое лишает права на отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по программам среднего профессионального образования тех из обучающихся, кто

вынужден был воспользоваться соответствующей отсрочкой для завершения обучения в общеобразовательной организации и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования.

В КС РФ неоднократно обращались граждане с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод положением подп. «б» п. 1 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», которое в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 1 декабря 2004 г. № 149-ФЗ «О внесении изменений в статьи 24 и 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», предусматривало, что отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданам, занятым постоянным уходом за близкими родственниками, если отсутствуют другие лица, обязанные по закону содержать указанных граждан, а также при условии, что последние достигли пенсионного возраста по старости или являлись несовершеннолетними.

Заявители указывали на то, что хотя пенсионное законодательство Российской Федерации допускает назначение пенсии в определенных случаях в более раннем возрасте, чем 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, данная норма не позволяет призывнику воспользоваться правом на отсрочку для ухода за пожилым родственником, если он не достиг общего пенсионного возраста даже при наличии медицинских показаний и его досрочном выходе на пенсию, что затрудняет реализацию предусмотренной ч. 3 ст. 38 Конституции РФ обязанности заботиться о нетрудоспособных родителях.

КС РФ в определениях от 1 октября 2002 г. № 230-О и от 10 ноября 2002 г. № 339-О указал, что соответствующие жалобы не могут быть приняты к рассмотрению, поскольку данная норма не нарушает конституционные права заявителей, а напротив, устанавливает льготу в виде отсрочки от призыва на военную службу. В жалобах же фактически ставится вопрос о распространении указанной льготы на более широкий круг лиц, чем это непосредственно предусмотрено законом. Однако это является исключительной прерогативой законодательного органа власти.

Впоследствии законодатель дважды изменял редакцию подп. «б» п. 1 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», отказавшись в 2004 г. от указания в ней на «пенсионный возраст по старости» (Федеральный закон от 01.12.2004 г. № 149-ФЗ), а затем в 2006 г. — вообще от ограничения возраста лица, за которым дол-

жен осуществляться уход (Федеральный закон от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву»).

Анализ практики КС РФ позволяет поставить и вопрос общего характера: могут ли быть использованы в целях определения круга лиц, обладающих правом на отсрочку, и дифференциации на этой основе правового статуса призывников какие-либо дополнительные возрастные критерии? Скажем, до вступления в силу Федерального закона от 14 октября 2014 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» отсрочка от призыва граждан на военную службу предоставлялась обучающимся по очной форме обучения в образовательных учреждениях среднего профессионального образования на время обучения, но не свыше нормативных сроков освоения основных образовательных программ и до достижения указанными гражданами возраста 20 лет³.

В КС РФ обратились два гражданина с коллективной жалобой, в которой указали, что они, будучи учащимися колледжа, получили повестки о призыве на военную службу в связи с достижением 20-лет-

него возраста, хотя при этом курс обучения в колледже ими не завершен. По мнению заявителей, соответствующие законодательные нормы лишали их возможности завершить образование без перерыва в учебном процессе и ставили в неравные условия по сравнению с гражданами, получавшими по очной форме обучения высшее образование.

КС РФ отказал в принятии этой жалобы к рассмотрению по причине отсутствия нарушения прав заявителей: они так и не были призваны на военную службу в связи с выполнением плана призыва на территории соответствующего субъекта РФ (Определение от 05.03.2013 № 353-О). Однако в Особом мнении по данному Определению судьи КС РФ К.В. Арановский и Г.А. Гаджиев отметили, что реализация конституционного права на образование предполагает и непрерывность образовательного процесса: длительные перерывы в обучении со значительной вероятностью снижают его качество или препятствуют его завершению. Впоследствии федеральный законодатель отказался от ограничения возраста при регламентации права на отсрочку от призыва на военную службу.

Приведенные примеры показывают, что даже в тех случаях, когда КС РФ не рассматривал то или иное обращение по существу, проблемы, затронутые в его «отказных» определениях, нередко учитывались законодателем при совершенствовании норм Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

³ См.: Ефремов А.В. О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу в связи с получением гражданином среднего профессионального образования // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2016. № 1. С. 83–87.

Литература

1. Ефремов А.В. О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу в связи с получением гражданином среднего профессионального образования / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2016. № 1. С. 83–87.
2. Никитин А.П. Правовые аспекты соблюдения прав и социальных гарантий граждан при призыве на военную службу / А.П. Никитин // Военно-юридический журнал. 2014. № 10. С. 3–8.
3. Пискунова О.В. К вопросу о законности призыва аспирантов на военную службу / О.В. Пискунова // Военно-юридический журнал. 2011. № 12. С. 2–5.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Предоставление подъемного пособия, предназначенного для помощи военнослужащему и членам его семьи в адаптации к новым условиям несения службы и проживания, не может быть обусловлено замещением исключительно воинской должности

Конституционный Суд РФ признал пункт 1 части 2 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой он служит основанием для отказа в предоставлении подъемного пособия при переезде на новое место (к месту) службы в другой населенный пункт тем военнослужащим, которые в установленном порядке без приостановления им военной службы назначены на должности преподавателей, не являющиеся воинскими, в учебные военные центры при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования.

См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2019 № 15-П

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ДЕЙСТВИЙ КОМАНДОВАНИЯ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ*

*Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса,
кандидат юридических наук, профессор
stass1964@gmail.com*

В статье дан анализ типичных нарушений, допускаемых командирами, при увольнении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, с военной службы по инициативе командования.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, прохождение военной службы по контракту, увольнение с военной службы.

On Ensuring Legality of Command Actions in Case of Discharge of Military Personnel from Service*

*Kharitonov Stanislav S.
Retired Colonel of Justice
Candidate of Legal Sciences
Professor*

The article provides an analysis of typical violations committed by commanders when dismissing servicemen undergoing military service under a contract from military service on the initiative of the command.

Keywords: military service, soldier, military service under contract, dismissal from military service.

Военная служба, как и любая служебная деятельность, когда-то заканчивается, и военнослужащий, зачастую долгие годы отдавший себя профессии по защите Отечества, выходит на этап увольнения с военной службы. И конечно, каждому из увольняемых с военной службы хотелось бы уйти так, чтобы это было достойно, с оценкой заслуг по итогам добросовестной службы. Но, к сожалению, из-за недальновидных по сути и неправильных по закону решений некоторых горе-командиров, нарушающих установленный нормативными актами порядок увольнения военнослужащих с военной службы, уходящий на «гражданку» служивый вынужден обивать пороги штабов, военных прокуратур и военных судов для восстановления справедливости. При этом, подчеркнем, что нарушения, которые допускают такие руководители, достаточно типичны, и они были предметом рассмотрения в своих публикациях военными юристами¹.

¹ См., например: Туганов Ю.Н., Быстров П.Г. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на выбор оснований увольнения с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 10. С. 24–29; Харитонов С.С.

Тем не менее анализ последней по времени правоприменительной, военно-прокурорской и военно-судебной практики позволяет обозначить несколько нарушений, допускаемых по отношению к увольняемому военнослужащим, которые получили распространение в последнее время.

Так, например, зачастую командиры не видят ничего зазорного в том, чтобы несвоевременно издать приказы об увольнении военнослужащего по окончании срока контракта либо произвести окончательные расчеты с военнослужащим после издания приказа об его увольнении и исключении из списков воинской части, мотивируя это различными «бюрократическими» проволочками при оформлении

Обеспечение законности деятельности командиров по увольнению военнослужащих с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 7 (252). С. 2–8; Харитонов С.С. О выводе в распоряжение командиров (начальников) военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящих военную службу за пределами территории Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 9 (159). С. 41–44; Черкасова Н.Д. Некоторые правовые основы перемещения военнослужащих органов федеральной службы безопасности по военной службе // Военно-юридический журнал. 2018. № 7. С. 9–11; и др.

* Рецензент — Туганов Ю.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

и прохождении необходимых документов в так называемых «вышестоящих» инстанциях. Хотя согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»² денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения. Применительно к этому отметим, что согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»³ (далее — Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

В соответствии с п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237⁴ (далее — Положение о порядке прохождения военной службы), днем окончания военной службы считается день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы.

Согласно п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, на день исключения из списков личного состава воинской части должен быть полностью обеспечен установленным денежным довольствием, продовольственным и вещевым обеспечением. До проведения с военнослужащим всех необходимых расчетов он из списков личного состава воинской части без его согласия не исключается.

Согласно п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы и не позднее чем через месяц со дня поступления в воинскую часть выписки из приказа об увольнении военнослужащего с военной службы, за исключением случаев, предусмотренных п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», и Положением о порядке прохождения военной службы.

Таким образом, исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части осу-

ществляется не ранее даты его увольнения с военной службы и после произведения с ним расчета по денежному, вещевому и продовольственному видам обеспечения. Если расчеты с ним не проведены, то в дальнейшем уволенный с военной службы имеет шансы восстановиться на военной службе, хотя они и не велики, поскольку при разрешении вопроса о порядке восстановления прав таких военнослужащих, например, в судебном порядке, необходимо учитывать приведенные в абз. 2 п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»⁵ разъяснения о том, что в случае, если нарушение прав военнослужащего может быть устранено без восстановления его на военной службе или в списках личного состава воинской части, судом выносится решение только об устранении допущенного нарушения. И, как правило, военные суды идут по этому пути, частично удовлетворяя заявления уволенных с военной службы, восстанавливая их права посредством возложения на командование воинских частей обязанности изменить дату исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части на более поздний срок.

Достаточно часто в практике военных прокуроров и судей стали появляться примеры, назовем так, оригинального вида обеспечения жильем военнослужащих в преддверии их увольнения с военной службы. Так, например, военнослужащему, который был признан в установленном порядке нуждающимся в жилом помещении, решением жилищной комиссии ему должна была быть выделена жилищная субсидия, и увольнялся он по состоянию здоровья, за сутки до увольнения выделили комнату в общежитии коридорного типа (общежитие расположено на территории воинской части) и посчитали, что теперь с чистой совестью и в соответствии с законом могут уволить его, так как он де обеспечен местом для проживания до обеспечения жильем для постоянного проживания⁶.

К сожалению, сейчас в воинских частях у командиров нет помощников по правовой работе, ликвидированных по указанию А.Э. Сердюкова в 2009 г.

² Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // СЗ РФ. 2011. № 45. Ст. 633.

³ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 // СЗ РФ. 1999. № 38. Ст. 4534.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Северо-Кавказского окружного военного суда № 33а-952/2018 от 15 августа 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

в рамках «оптимизации» прекрасно зарекомендовавшей себя военно-юридической службы⁷. Если бы юрист был в воинской части, то он бы напомнил командирам следующие элементарные нормы, которые они вообще-то должны знать в рамках подготовки и сдачи правовых минимумов.

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по состоянию здоровья без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 94 и ч. 2 ст. 105 ЖК РФ установлено, что жилые помещения в общежитиях предназначены для временного проживания граждан в период их работы, службы или обучения. Договор найма жилого помещения в общежитии заключается на период трудовых отношений, прохождения службы или обучения. Прекращение трудовых отношений, обучения, а также увольнение со службы являются основанием прекращения договора найма жилого помещения в общежитии.

Поэтому при распределении военнослужащему общежития за день до увольнения с военной службы нельзя говорить, что командование надлежащим образом обеспечило его служебным жильем на период прохождения военной службы.

Таким образом, согласно п. 14 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы увольнению военнослужащего должен предшествовать комплекс мероприятий, направленных на соблюдение прав военнослужащих. При этом обязанности должностных лиц в работе по проведению мероприятий, связанных с увольнением военнослужащих, определены в Порядке деятельности должностных лиц и органов военного управления по организации прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного Приказом Министра обороны РФ от 30 октября 2015 г. № 660⁸.

Согласно п. 28 названного Порядка работа по проведению мероприятий, обеспечивающих свое-

временное увольнение военнослужащих, проводится командирами (начальниками) воинских частей при участии должностных лиц кадровых органов, органов материально-технического и медицинского обеспечения, органов финансового обеспечения (финансово-экономических органов), аттестационных комиссий. Особенно тщательно все процедуры должны соблюдаться, когда у увольняемого военнослужащего есть выбор оснований для увольнения, в том числе по медицинским показателям.

В п. 11 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что при наличии у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, нескольких оснований для увольнения с военной службы он увольняется по избранному им основанию, за исключением случаев, прямо предусмотренных этой нормой.

Напомним, что именно командир воинской части обязан за шесть месяцев до окончания соответствующего контракта направить военнослужащего (по его желанию) на медицинское освидетельствование в соответствующую ВВК; за три месяца провести беседу с военнослужащим о предстоящем увольнении с военной службы с привлечением при необходимости представителей кадрового органа и юридической службы. В ходе беседы с военнослужащим оформляется лист беседы по рекомендуемому образцу, в котором имеется графа со ссылкой на заключение ВВК или об отказе от прохождения освидетельствования.

Содержание названных норм указывает на то, что при желании военнослужащего пройти ВВК перед увольнением командир обязан его направить на освидетельствование, по результатам которого — провести с ним беседу, разъяснив последствия этого заключения и связанные с этим права военнослужащего.

При этом в п. 11 ст. 34 названного Положения установлено, что при наличии у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, нескольких оснований для увольнения с военной службы он увольняется по избранному им основанию, за исключением случаев, прямо предусмотренных этой нормой.

И в заключение к вопросу о возможности увольнения военнослужащих-женщин, имеющих малолетних детей, в связи с невыполнением ими условий контракта. Действующее законодательство надежно защищает права этой категории военнослужащих, поэтому даже при допущенных военнослужащими-женщинами нарушений по военной службе уволить их по «негативному» основанию проблематично.

⁷ См.: Харитонов С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных силах. 2009. № 5 (143). С. 95–96.

⁸ Приказ Министра обороны РФ от 30 октября 2015 г. № 660 «О мерах по реализации правовых актов по вопросам организации прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 5.

Действительно, в соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и подп. «в» п. 2 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта. Вместе с тем согласно п. 25 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы увольнение с военной службы беременных военнослужащих женского пола, военнослужащих женского пола, имеющих детей в возрасте до трех лет, а также имеющих детей-инвалидов или инвалидов с детства до достижения ими возраста 18 лет (одиноким матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет), не допускается, кроме случаев, когда военнослужащие подлежат увольнению с военной службы по основаниям, предусмотренным подп. «а», «в»–«ж» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» или когда увольнение осуществляется по их желанию.

Пунктом 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних»⁹

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

Литература

1. Туганов Ю.Н. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на выбор оснований увольнения с военной службы / Ю.Н. Туганов, П.Г. Быстров // Право в Вооруженных силах. 2013. № 10. С. 24–29.
2. Харитонов С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных силах. 2009. № 5 (143). С. 95–96.
3. Харитонов С.С. О выводе в распоряжение командиров (начальников) военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящих военную службу за пределами территории Российской Федерации / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных силах. 2010. № 9 (159). С. 41–44.
4. Харитонов С.С. Обеспечение законности деятельности командиров по увольнению военнослужащих с военной службы / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных силах. 2018. № 7 (252). С. 2–8.
5. Черкасова Н.Д. Некоторые правовые основы перемещения военнослужащих органов федеральной службы безопасности по военной службе / Н.Д. Черкасова // Военно-юридический журнал. 2018. № 7. С. 9–11.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ*

*Гусарова Наталья Васильевна,
научный сотрудник Центра правовых исследований
gmv14788@mail.ru*

В данной статье описывается актуальность изучения правового статуса военнослужащих подразделений пограничного контроля, обосновывается важность выполняемых ими задач по обеспечению безопасности Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: правовой статус военнослужащих подразделений пограничного контроля, пункт пропуска, пограничный контроль, угрозы безопасности.

On the Relevancy of Review of the Legal Status of Military Personnel of Border Control Subdivisions

*Gusarova Natalya V.
Research Scientist of the Center for Legal Research*

This article describes the relevance of the study of the legal status of border control personnel and their tasks to ensure the security of the Russian Federation at the present stage.

Keywords: legal status of border control personnel, checkpoint, border control, security threats.

Вопрос правового статуса личности не теряет своей актуальности с течением времени. Особое значение он приобретает в условиях продолжающегося формирования демократического государства, выдвигая на первый план проблем правового положения личности, ее взаимоотношений с государством и обществом.

Слово «статус» произошло от латинского status, что обозначает «правовое положение», «состояние»¹. В настоящее время исследователи уделяют внимание не только общему статусу лица как гражданина государства, который является единым, одинаковым для всех и характеризуется относительной статичностью, но и статусу отдельных категорий граждан. Это так называемый специальный статус, который отражает особенности правового положения определенных лиц с учетом возраста, пола, семейного положения, принадлежности к определенной профессии и т.д. В зависимости от социального, служебного и иного положения личности и специфики занимаемых им социальных позиций одно и то же конкретное лицо может быть носителем различных

статусов². Специальный статус в отличие от общего изменяется вместе с переменами, происходящими в жизни определенного человека и всего общества, что дает автору возможность утверждать, что данный статус динамичен.

К специальному статусу относят и правовой статус военнослужащих в Российской Федерации, который основывается на правовом статусе гражданина. Вопросы правового статуса военнослужащих и его реализации в повседневной деятельности остаются одними из сложнейших в теории права.

В юридической науке существует мнение, что сама постановка вопроса о выделении правового статуса военнослужащих необоснованна, поскольку к

¹ Словарь иностранных слов. 19-е изд., стер. / под ред. Л.Н. Комаровой. М.: Русский язык, 1990. С. 482.

² Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: монография. М.: МПИ ФСБ России, 2008. С. 19; Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. С. 186; Корякин В.М. Теоретико-правовые основы статуса ветерана в Российской Федерации // Российский военно-правовой сборник. 2007. № 9. С. 270; Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов, 1976. С. 28; Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. М., 1974. С. 198–199; Туганов Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины: монография. Чита: ЧитГУ, 2008. С. 85.

* Рецензент — Туганов Ю.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

военнослужащим как полноправным гражданам в полной мере относится все то, что говорится и пишется о правовом статусе гражданина вообще. Однако эта точка зрения была опровергнута реальной жизнью и юридической практикой. И как бы в подтверждение ошибочности приведенного выше суждения было принятие Закона Российской Федерации «О статусе военнослужащих»³. Правовой статус гражданина вообще — понятие абстрактное, так как нет и не может быть просто гражданина, а есть реальные носители этого звания: граждане-рабочие, граждане-служащие, граждане-военнослужащие⁴.

В соответствии с Толковым словарем русского языка С.И. Ожегова статус представляет собой совокупность прав и обязанностей гражданина или юридического лица, сложившееся положение, состояние⁵. В настоящее время в научной литературе нет единого понимания понятия и структуры правового статуса как такового. В свою очередь, понятие и структура правового статуса военно-служащих четко определены российским законодательством. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих — совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации⁶.

Нормы вышеуказанного закона применимы ко всем военнослужащим, независимо от того, где он проходит службу и к какому федеральному органу исполнительной власти относится. Однако статус военнослужащих напрямую зависит от принадлежности к конкретному виду и роду войск, должности, звания, характера выполняемых должностных и специальных обязанностей и т.д.

Преодолевая последствия системного социально-экономического кризиса, разразившегося на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв., Россия столкнулась с комплексом угроз националь-

ной безопасности во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Наиболее остро и отчетливо эти угрозы проявляются в пограничной сфере Российской Федерации⁷. На современном этапе развития, характеризующемся нестабильной социально-политической обстановкой в мире, разжиганием очагов напряженности вблизи российских границ, особого внимания заслуживают вопросы статуса военнослужащих пограничных органов в целом и подразделений пограничного контроля в частности. Согласно данным Министерства транспорта, в настоящее время в Российской Федерации функционирует более 300 пунктов пропуска через государственную границу⁸. В каждом из них размещены подразделения пограничного контроля, осуществляющие пропуск через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных (далее — пропуск через государственную границу). Представляют интерес правовой статус военнослужащих данных подразделений и его реализация в повседневной деятельности, так как выполняемые ими задачи по защите и охране государственной границы ежедневно сопряжены с обеспечением безопасности Российской Федерации.

Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» относит к основным угрозам государственной и общественной безопасности деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанную с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми⁹. В настоящее время не исключаются также попытки въезда в Российскую Федерацию лиц, возможно причастных к деятельности незаконных вооруженных формирований и террористических организаций. В определенной степени противодействие данным угрозам на путях международного сообщения осуществляется военнослужащими подразделений пограничного контроля. В рамках реализации Стра-

³ См.: Закон Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих». (Документ утратил силу.) В настоящее время действует Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Федеральный закон «О статусе военнослужащих») // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁴ Богатырева Н.М. Правовой статус военнослужащих России (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12–13.

⁵ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова : ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс ; Мир и Образование, 2008. С. 612.

⁶ См.: Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

⁷ Гальчук Р.Л. Механизм правового регулирования пограничной деятельности: военно-теоретическое исследование : монография. Ростов н/Д : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2012. С. 5.

⁸ См.: Приказ Минтранса России от 16 августа 2016 г. № 243 (ред. от 18.05.2018) «О создании администраций пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации» (Документ официально опубликован не был.) // СПС «Гарант».

⁹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683) // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

тегии национальной безопасности Российской Федерации был издан Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации», который подчеркнул важность участия пограничных органов в обеспечении безопасности государства.

Состояние защиты национальных интересов в пограничном пространстве определяется эффективностью функционирования системы обеспечения национальной безопасности, неотъемлемой частью которой являются защита и охрана государственной границы. Деятельность пограничных органов федеральной службы безопасности направлена на недопущение противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечение соблюдения физическими и юридическими лицами административно-правовых режимов, установленных на государственной границе и приграничной территории, а также на противодействие международному терроризму и транснациональной преступности в пограничном пространстве¹⁰.

Вопросы надежной защиты и охраны государственной границы Российской Федерации в пунктах пропуска приобрели особую значимость с «открытием» границ в постсоветский период, когда серьезно увеличился пассажиропоток, а также резко возросло количество ввозимых в страну и вывозимых за ее пределы грузов и товаров.

Проблемы обеспечения пограничной безопасности и одновременно эффективного регулирования все более интенсивных трансграничных потоков стоят перед многими государствами. По оценкам экспертов угрозы безопасности России носят динамический характер, так как меняются формы и способы противоправной деятельности трансграничных преступных групп¹¹.

Все вышеперечисленные угрозы безопасности не являются новыми, но постоянное совершенствование методов и способов противоправной деятельности трансграничной преступности обуславливают необходимость корректировки деятельности людей, которые с ней борются. Важность противодействия всем существующим на сегодняшний день угрозам безопасности Российской Федерации, кото-

рые могут быть реализованы через пункты пропуска через государственную границу, обуславливает необходимость использования пограничными органами новых форм, способов и методов деятельности, расширения прав и обязанностей их сотрудников. При этом необходимым условием является то, чтобы расширение прав и обязанностей военнослужащих подразделений пограничного контроля происходило своевременно и имело закрепление на законодательном и ведомственном уровне.

Указ Президента от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» в качестве важнейшей составляющей дальнейшего развития системы обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве предусматривает в том числе актуализацию законодательства Российской Федерации о государственной границе.

Многообразие факторов, формирующих угрозы безопасности Российской Федерации, увеличение и изменение характера угроз существенно влияют на специфику деятельности пограничных органов. Современная социально-политическая обстановка, несомненно, предъявляет повышенные требования к военнослужащим. Усложнение задач по обеспечению безопасности государства обуславливает ужесточение требований к военнослужащим, детерминирует повышенную ответственность за надлежащее выполнение ими должностных и специальных обязанностей, которые, в свою очередь, должны иметь четкое и жесткое закрепление на ведомственном уровне, позволяя разграничить степень участия и ответственности каждого военнослужащего.

В целях повышения эффективности пограничной деятельности развивается система пропуска через государственную границу. Открыты и функционируют воздушные, железнодорожные, автомобильные и морские пункты пропуска через государственную границу, а также места упрощенного пропуска через государственную границу для граждан, проживающих в приграничных районах Российской Федерации, Республики Казахстан и Украины. Для сокращения времени на проведение контрольно-проверочных мероприятий уменьшено количество государственных контрольных органов в пунктах пропуска, в практику их деятельности внедрены принципы «одного окна» и «одной остановки»¹².

С созданием Таможенного союза, а позже Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) обеспечением свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы были упразднены таможен-

¹⁰ См.: Указ Президента РФ от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2614.

¹¹ Кудинов В.И. Защита и охрана государственной границы в общем экономическом и политическом пространстве как особенность реализации пограничной политики: анализ международного опыта // Аспирант. 2015. № 10 (15). С. 160–161.

¹² См.: Указ Президента РФ от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2614.

ные посты в отдельных пунктах пропуска на государственной границе Российской Федерации. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития государств-членов. В то же время следует заметить, что отсутствие таможенного контроля в ряде пунктов пропуска на российской границе актуализирует угрозы проникновения на территорию Российской Федерации грузов и товаров, которые запрещены к ввозу федеральным законодательством. Это может нанести ущерб безопасности государства в экономической, пограничной и других сферах.

История развития межгосударственных отношений дает основание утверждать, что любые пограничные барьеры создают прямые или косвенные препятствия для трансграничных контактов, тогда как отмена пограничного и таможенного контроля в наибольшей степени благоприятствует их развитию¹³. Отсутствие таможенного контроля на отдельных участках государственной границы ограничивает возможности заинтересованных органов по противодействию нелегальной миграции, незаконному перемещению через государственную границу товаров и предметов и т.д. В связи с этим возникает вопрос о необходимости и возможности расширения функций пограничных органов в пунктах пропуска через государственную границу за счет делегирования ряда полномочий от других государственных контрольных органов. Исследованию путей совершенствования и оптимизации деятельности государственных органов в рамках существования ЕАЭС, в том числе в области обеспечения безопасности, посвящено много статей в периодической литературе¹⁴. Представляется, что данный вопрос будет оставаться предметом дальнейших исследований, подтверждением тому являются тенденции к появлению качественно нового международного документа, который будет регулировать многообразие правовых отношений в условиях евразийской интеграции.

¹³ Кудинов В.И. Защита и охрана государственной границы в общем экономическом и политическом пространстве как особенность реализации пограничной политики: анализ международного опыта. С. 161.

¹⁴ См. например: Кудинов В.И. Указ. соч. С. 160–167; Горьков А.Г. Механизм минимизации угроз экономической безопасности в рамках ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 4. С. 57–62; Падалка В.В. Угрозы национальной и экономической безопасности Российской Федерации в процессе интеграции в рамках Евразийского экономического союза // Вестник Московского Университета. Серия 26: Государственный аудит. 2017. № 1. С. 23–31; Туганов Ю.Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в контексте обеспечения государственной безопасности // Военное право. 2018. Вып. 6. С. 50–54.

Еще одной немаловажной причиной необходимости исследования статуса военнослужащих подразделений пограничного контроля является регулярное проведение в Российской Федерации важных общественно-политических и спортивных мероприятий. У нашей страны есть богатый опыт проведения весьма масштабных мероприятий, таких как XXVII Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 г. и Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 г.

Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривалось, что в период проведения Олимпийских игр и Паралимпийских игр (далее — игр) иностранные граждане, принимавшие участие в организации и проведении игр, а также иностранные граждане, являвшиеся участниками игр, могли въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации без оформления виз на основании действительных документов, удостоверяющих личность и признаваемых Российской Федерацией в этом качестве, и олимпийского удостоверения личности и аккредитации либо паралимпийского удостоверения личности и аккредитации. Соответственно, при осуществлении пограничного контроля сотрудники пограничных органов в пунктах пропуска были обязаны пропускать вышеуказанных лиц по документам, не входящим в привычный перечень. Аналогичные меры были введены и в период проведения Кубка Конфедераций FIFA 2017 г. и Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. В соответствии с Федеральным законом от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 108-ФЗ) в течение определенного периода въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Российскую Федерацию в качестве зрителей спортивных соревнований, осуществлялся без оформления виз по действительным документам, удостоверяющим личность, и персонифицированной карте зрителя, получаемой такими гражданами и лицами без гражданства при наличии входного билета на матч или документа, дающего право на получение входного билета на матч¹⁵.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи,

Позже Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 331-ФЗ были внесены изменения в ст. 7 Закона № 108-ФЗ, позволяющие иностранным гражданам и лицам без гражданства, посетившим в качестве зрителей спортивных соревнований матча Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., осуществлять выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию без оформления виз по действительным документам и персонифицированной карте зрителя, полученной до или в течение периода проведения спортивного соревнования, до 31 декабря 2018 г. включительно. Пограничные органы должны были, несомненно, учитывать все эти поправки в своей повседневной деятельности.

График проведения важных политических и спортивных мероприятий на ближайшие годы, а также опыт проведения предыдущих мероприятий свидетельствуют о том, что законодательство по вопросам пропуска будет в перспективе меняться (в некоторых случаях — на определенное время) и совершенствоваться. Проведение подобных мероприятий оказывает влияние на деятельность всех государ-

развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

ственных контрольных органов в пунктах пропуска, расширяя, корректируя их обязанности, в целях осуществления бесперебойного пропуска через государственную границу и обеспечения безопасности государства на определенном участке.

Динамичность событий, происходящих внутри государства и на международной арене, заключение Российской Федерацией новых международных соглашений о взаимных поездках граждан, совершенствование документов на право пересечения государственной границы, научно-технический прогресс находят отражение и в повседневной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска. Совокупность различных факторов и явлений, возрастание сложности и масштабности задач обуславливают постоянное изменение статуса военнослужащих подразделений пограничного контроля, предъявляя повышенные требования к их правовой компетенции и профессиональной квалификации.

Качественную организацию пограничного контроля, выполнение значительного объема задач, функций невозможно обеспечить без усилий множества людей, которые, несомненно, должны иметь особый правовой статус, устанавливаемый на федеральном и ведомственном уровне.

Литература

1. Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций : монография / В.В. Бараненков. М. : МПИ ФСБ России, 2008. 370 с.
2. Богатырева Н.М. Правовой статус военнослужащих России (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Богатырева. М., 2007. 24 с.
3. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук ; отв. ред. В.А. Патюлин. М. : Наука, 1979. 229 с.
4. Гальчук Р.А. Механизм правового регулирования пограничной деятельности: военно-теоретическое исследование : монография / Р.А. Гальчук. Ростов н/Д : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2012. 202 с.
5. Горьков А.Г. Механизм минимизации угроз экономической безопасности в рамках ЕАЭС / А.Г. Горьков // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 4. С. 57–62.
6. Корякин В.М. Теоретико-правовые основы статуса ветерана в Российской Федерации / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник. 2007. № 9. С. 270–274.
7. Кудинов В.И. Защита и охрана государственной границы в общем экономическом и политическом пространстве как особенность реализации пограничной политики: анализ международного опыта / В.И. Кудинов // Аспирант. 2015. № 10 (15). С. 160–167.
8. Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении / В.И. Новоселов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 217 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 65 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. 736 с.
10. Падалка В.В. Угрозы национальной и экономической безопасности Российской Федерации в процессе интеграции в рамках Евразийского экономического союза / В.В. Падалка // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2017. № 1. С. 23–31.
11. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР / В.А. Патюлин. М. : Наука, 1974. 246 с.
12. Словарь иностранных слов / под ред. Л.Н. Комаровой. 19-е изд., стер. с изм. М. : Русский язык, 1990. 624 с.
13. Туганов Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины : монография / Ю.Н. Туганов. Чита : ЧитГУ, 2008. 203 с.
14. Туганов Ю.Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в контексте обеспечения государственной безопасности / Ю.Н. Туганов // Военное право. 2018. № 6. С. 50–54.

ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

*Иванов Андрей Александрович,
доцент Санкт-Петербургской государственной
академии ветеринарной медицины,
кандидат исторических наук
bishop-1985@list.ru*

Сегодня сотрудники специальных служб в разных странах мира отличаются все более высокой степенью вовлеченности в общественно-политическую жизнь и потребности общества. Отсюда происходящая в начале XXI в. переоценка места разведывательно-диверсионной деятельности в системе мер государственного принуждения и обеспечения национальной безопасности требует создания адекватных инструментов и критериев оценки их работы. В связи с этим современным специалистам требуется детальное осмысление не только терминологии или общей методики ведения и противодействия разведывательно-диверсионной деятельности — процесс исследования деятельности спецслужб не может быть полон без определения их эффективности. Это заставляет обратить внимание на критерии оценки данного параметра, особенно в условиях военных действий, когда государственный аппарат часто попадает в ситуации дестабилизации и ключевые аспекты его работы могут существенно изменяться.

Ключевые слова: клиометрия, издержки, риски, эффективность, война.

Principles of Assessment of Efficiency of Military Counterintelligence in Armed Conflict Conditions

*Ivanov Andrey A.
Associate Professor of the Saint-Petersburg State Academy
of Veterinary Medicine
Candidate of Historical Sciences*

Nowadays, employees of special services in different countries of the world can be characterized by an ever-higher degree of involvement in social and political life and the needs of society. Hence, the reassessment of the place of reconnaissance and sabotage activities in the system of measures of state coercion and ensuring national security in the beginning of the 21st century requires the creation of adequate tools and criteria for evaluating its work. In this regard, modern specialists need not only a detailed understanding of terminology or general methodology of conducting and countering intelligence and sabotage activities — the research of special services' activities cannot be complete without determining of their effectiveness. This forces us to pay attention to the criteria of evaluating this parameter, especially in the context of military conflicts, when the state apparatus often finds itself in a situation of destabilization, and key aspects of its work can change significantly.

Keywords: clinometric, costs, risks, effectiveness, war.

В современной науке рассмотрение практически любой значимой проблемы невозможно без определения теоретических основ ее познания и выявления представлений ученых и мыслителей о природе исследуемых явлений. В полной мере данный тезис применим и к изучению шпионажа и борьбы с ним, а также органов, призванных осуществлять эти два вида деятельности. Так, в соответствии с общенаучными представлениями функции разведывательных

органов, как правило, сводятся к поиску информации о реальном или вероятном противнике, его военных, экономических и иных ресурсах, целях и задачах внутренней и внешней политики. При этом задачи контрразведывательных органов состоят не только в пресечении непосредственной шпионской работы агентов иностранных держав, но и в мониторинге политической активности граждан страны, наблюдении за степенью лояльности сотрудников

государственного аппарата национальным интересам и т.д.

В таком контексте эффективность спецслужб может иметь два уровня: субъективный и объективный. Субъективный уровень отражает адекватность результатов их деятельности поставленным перед ними руководством задачам, т.е. несоответствие итогов работы заявленной цели в конечном счете демонстрирует неэффективность службы. Тем не менее в условиях постоянной эволюции представлений о безопасности нередко наблюдается дисбаланс между реальными угрозами и их отражением в нормативных документах.

Доцент кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Семченков считает, что «государственный аппарат, отвечающий требованиям эффективности, представляет собой систему министерств и ведомств, расходующих по назначению бюджетные средства, оперативно реализующих решения органов власти. Его персонал должен быть лояльным по отношению к руководству организации, выполнять свои функциональные обязанности в срок и по заранее предписанным методам». Однако на практике достаточно часто наблюдается, что «такой тип организации слабо реагирует на изменения среды, у него низкий инновационный потенциал и незначительные возможности его реализации»¹. Иными словами, непосредственное начальство далеко не всегда ставит перед подчиненными ему органами действительно актуальные для страны задачи, подчас руководствуясь собственными (не всегда профессиональными) представлениями о месте и роли соответствующих служб в государственном механизме.

В частности, по окончании Вьетнамской войны политическое руководство США было вынуждено признать, что принимаемые правительством решения в этом конфликте часто были обусловлены не объективными потребностями армии и государства, а чисто бюрократическими соображениями. Так, одной из сложностей было стремление чиновников подстроить решение каждой возникающей проблемы под определенный, ранее встречавшийся шаблон, из-за чего игнорировалась потенциальная уникальность происходящих событий, что нередко приводило к неверной оценке ситуации. Схожим образом, решение об отправке американского военного контингента в Ирак, принятое администрацией Президента Дж. Буша-младшего, как выяснилось впо-

следствии, принималось на основе избирательного отношения к разведанным, слабо организованного планирования и отсутствия полноценного обсуждения этого вопроса². Фактически политические лидеры и в XX, и в XXI вв. имеют полную возможность не только игнорировать предоставляемые спецслужбами сведения, но и навязывать несвойственные данным структурам шаблоны поведения.

В таких случаях результативность противодействия, к примеру, зарубежной разведывательно-диверсионной деятельности может быть оценена лишь на объективном уровне, где показателем качества работы органов безопасности служит эффективность функционирования тех институтов, которые спецслужбы призваны охранять.

Применительно, скажем, к службе военной контрразведки это будет означать, что итоги ее работы рассматриваются не через призму численности выявленных агентов противника, а посредством соотношения усилий данной службы на поприще борьбы со шпионажем в армии с конечным успехом военных операций. Также надо учитывать, что сфера приложения усилий военной контрразведки не ограничивается вооруженными силами, поскольку для ведения боевых действий требуется и нормальное функционирование тыла, и хотя бы минимальная социально-политическая стабильность и идеологическое единство среди основной массы населения контролируемой территории. Все это создает дополнительные сложности контрразведывательным органам, вынуждая их сотрудников одновременно работать по нескольким направлениям, пресекая самые различные виды угроз. Что касается, допустим, органов политической полиции, то для них ключевым показателем эффективности на объективном уровне будет являться отсутствие у различных социальных групп внутри страны стремлений к ведению политической борьбы незаконными насильственными средствами. Таким образом, чем более эффективен социальный институт или государственное учреждение, тем более эффективны службы, обеспечивающие его защиту и облегчающие функционирование.

Тем не менее этот подход редко удовлетворяет интересам государственных структур, так как чиновникам в оценке работы своих подчиненных проще отталкиваться от одного из законов диалектики: «количественные отношения переходят в качественные». Соответственно, основываясь на этом, члены правительства и представители гражданского

¹ Семченков А.С. Показатели национальной безопасности (политический аспект) // Аспекты : сборник статей по философским проблемам истории и современности. Вып. 2. М. : Современные тетради, 2003. С. 332–333.

² Mitchell D., Massoud T.G. Anatomy of Failure: Bush's Decision-Making Process and the Iraq War // Foreign Policy Analysis. 2009. № 5. P. 265.

общества часто стремятся оценивать качество работы спецслужб по более-менее легко измеряемым количественным показателям. Таковыми обычно являются: число предотвращенных террористических актов; количество задержанных преступников (шпионов, террористов и т.д.); число успешно проведенных агентурных операций; количество добытых у противника документов и др.

Именно количественный подход долгое время доминировал в работе советских органов государственной безопасности. Эффективность их деятельности оценивалась по соотношению числа выявленных угроз (реальных или потенциальных) к числу проведенных по ним оперативных мероприятий³ — сведения об антигосударственных действиях различных лиц поступали от секретной агентуры и патриотически настроенных граждан, после чего принималось решение о способах реагирования.

Не отрицая возможности использования данной схемы для анализа работы спецслужб сегодня, стоит заметить, что она рождает сразу три фундаментальных проблемы:

— число выявленных агентов противника может быть сколь угодно большим, однако оно ни о чем не говорит, если не знать общего количества шпионов, диверсантов и террористов, действующих на территории страны — естественно, такой информацией ни одна спецслужба располагать не может даже постфактум. Например, за годы Первой мировой войны в Британии был арестован 31 немецкий агент, а наблюдение велось еще за 25 000 подозрительных лиц, что позволило историкам утверждать, будто «британская разведка держала немецкий шпионаж под контролем»⁴, однако на деле результативность ее работы была сравнительно невысока. При этом отсутствие конкретных статистически измеряемых достижений может служить основанием для обвинений в бездеятельности и репрессий в отношении сотрудников — в частности, в 1918 году работники контрразведывательной службы Балтийского флота были обвинены в пособничестве противнику на том основании, что за год «произвели ни одного ареста ни одного шпиона»⁵;

— эффективность спецслужб оценивается по данным, которые они сами предоставляют, что в ус-

ловиях повышенной секретности создает почву для различных злоупотреблений;

— при количественной оценке практически упускаются из виду методы работы, приведшие к достижению поставленной цели, тогда как, по словам советского исследователя В.И. Никитинского, «соответствие избранных правовых средств цели — необходимая предпосылка эффективности правовой нормы»⁶. Вполне может сложиться ситуация, что вместо многотрудного поиска путей решения той или иной проблемы некоторые сотрудники спецслужб, наделенные широчайшими полномочиями, прибегают к самым простым способам работы: репрессиям, незаконным арестам и фабрикация улик. По сути, такой механизм оценки эффективности подразумевает возможность формального достижения необходимых индикаторов с использованием методов, ставящих под угрозу национальные интересы.

Исходя из всего этого, количественные показатели не могут являться ключевыми при определении уровня эффективности органов госбезопасности.

Здесь в силу вступают качественные показатели, отражающие сумму всех видов деятельности специальных служб. Главным из них, по-видимому, должно служить мнение противника о степени предоставленной ему свободы для проведения антигосударственных операций в конкретной стране. Фактически мнение иностранной разведки, контрразведки или террористической организации об эффективности их оппонента говорит о качестве работы много больше, чем число арестованных «шпионов» (возможно, никакого отношения к иностранным разведкам не имеющих). Если в историческом плане подобного рода исследования проводятся сравнительно легко (ведь необходимые источники уже могут не являться секретными), то в условиях реального времени определенным подспорьем в этой области может случить такое направление работы спецслужб, как внешняя контрразведка (внедрение своих агентов в разведорганы вероятного противника).

Следовательно, для определения качества работы специальных служб необходимо привлекать не только их собственные внутриведомственные документы, но и материалы органов безопасности противника. Информация, получаемая по таким каналам, помогает находить «слабые звенья» в системе национальной безопасности и оценивать уровень ее обеспечения.

³ См.: Harrison M., Zaksauskiene I. Counterintelligence in a Command Economy. Coventry: University of Warwick, 2013. P. 12.

⁴ Panayi P. Enemy in our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, 1991. P. 183.

⁵ Цит. по: Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 110.

⁶ Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 44.

Однако этот механизм оценки также содержит в себе определенные недостатки, поскольку не предполагает систематичность и возможность квалитетического анализа, а также весьма затратен.

Соответственно, при оценке эффективности работы органов, отвечающих за сохранение безопасности и общественно-политической стабильности, следует помнить, что «максимизация безопасности в условиях выхода на лимиты последствий, должна осуществляться не за счет дополнительных ресурсов..., а только добиваясь наибольшего социального, политического и экономического компромисса, повышая тем самым эффективность использования уже привлеченных ресурсов и исключая наибольшее количество угроз»⁷. Эти слова А.С. Андреева нужно понимать в том смысле, что эффективность спецслужб вполне может быть выражена как соотношение затраченных на обеспечение их деятельности средств и возможных потерь в случае неудач в работе (террористических и диверсионных актов, утечек информации, убийства политических лидеров и т.д.).

В конечном счете невозможно требовать от государственных органов качественной работы в условиях недофинансирования или массового общественного порицания, поэтому эффективность должна пониматься в стратегическом смысле — как соотношение возможностей и достижений. Нельзя не согласиться с доцентом Финансового университета при Правительстве РФ О.С. Лустовой в том, что понятие «эффективность» «в значительной степени совпадает с понятием экономичности, с достижением высоких результатов при наименьших затратах»⁸. Иными словами, эффективность разведки и контрразведки — это минимум затрат при максимуме результатов.

Поскольку шпионаж как таковой не несет каких-либо угроз отдельным членам общества, но может серьезно угрожать государству и обществу в целом, поэтому защита от него представляет собой разновидность «общественного блага» (ведь объектом защиты являются не только государственные секреты, но и страна в целом: ее целостность, суверенитет, традиции и нормы поведения). Исходя из этого, для оценки степени эффективности спецслужб можно использовать достижения новой институциональ-

ной экономической теории, а именно созданный ее представителями клиометрический подход к анализу общественных процессов.

Хотя сегодня высказывается мнение, что «сведения эффективности административного аппарата к экономической продуктивности является сильным упрощением»⁹, в пользу клиометрического подхода говорит тот факт, что для науки просчет рисков от антигосударственных акций уже не является чем-либо сверхсложным. К примеру, просчитать экономические риски от теракта можно как сумму людских и инфраструктурных потерь, необходимости выплаты компенсаций, затрат на расследование и упущенной выгоды из-за потери имиджа страны (например, в сфере туризма) и т.д. Базируясь на подобных схемах, можно составить реестр объектов и органов, чья безопасность обеспечивается спецслужбами, и высчитать потенциальный экономический эффект от их разрушения, повреждения или снижения эффективности работы из-за негативного внешнего воздействия. Соотношение между полученным показателем и затратами на содержание органов национальной безопасности в мирное время и будет являться эталонным индикатором для оценки качества их деятельности в будущем. Тем самым эффективность органов госбезопасности может быть вычислена как соотношение реальных издержек на их содержание и потенциальных рисков от их провала.

Конечно, провести такие статические подсчеты редко представляется возможным, однако в условиях вооруженного конфликта задача несколько упрощается. Дело в том, что в подобной ситуации создаются геополитические риски распада страны, ее оккупации или снижения суверенитета. Хотя методика их расчета пока оставляет желать лучшего, перевод политических последствий поражения в войне в исчисляемые финансовые показатели в определенных случаях произвести все-таки можно. К примеру, для федеративных государств поражение в войне может означать потерю регионов или колоний, а значит, доходов от них. Как раз показатель возможных убытков или упущенной прибыли и будет равен размеру риска, предотвращаемого в том числе спецслужбами.

Возможным итогом поражения в военном столкновении может быть даже исчезновение государства с политической карты мира (примером могут послужить Византийская Империя, Речь Посполитая, Трансвааль, Австро-Венгерская Империя и др.) — его поглощение, распад или даже истребле-

⁷ Андреев А.С. Ситуации социального кризиса и обеспечение безопасности общества : дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2004. С. 143.

⁸ Лустова О.С. Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 9. 2004. № 1. С. 23.

⁹ Семченков А.С. Указ. соч. С. 333.

ние населения. Соответственно, деятельность силовых ведомств такого государства должна быть направлена на то, чтобы «ограничить потенциальный ущерб, который ему могут или стремятся причинить другие субъекты мировой политики»¹⁰.

При этом в ситуации вторжения или интервенции, когда речь не идет о выживании страны-агрессора, этот индикатор можно выразить как сумму нескольких показателей: объема довоенных инвестиций агрессора в экономику государства, подвергшегося нападению; внешнеторгового оборота между странами — участницами конфликта; размера внешнего долга страны, подвергшейся нападению, стране-агрессору. Эти показатели обусловлены тем, что после начала военного конфликта государ-

ство-жертва может национализировать собственность граждан противника, отказаться расплачиваться по прежним займам, а также продавать свои товары агрессору и, соответственно, приобретать у него какие-либо товары.

Резюмируя, можно заключить, что существующие на данный момент схемы оценивания уровня реальной эффективности органов госбезопасности в условиях конфликта должны быть дополнены важнейшим параметром, который можно условно назвать «ресурсная нагрузка», т.е. соотношение бюджета спецслужб (суммы государственных затрат на силовые ведомства, использующие агентурные методы для воспрепятствования нанесению стране вреда изнутри или извне) к величине потенциального ущерба от войны в сравнении с эталонным (довоенным) показателем.

¹⁰ Там же. С. 342.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ (АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

*Пахомов Алексей Викторович,
сотрудник Академии Федеральной службы
охраны Российской Федерации,
кандидат юридических наук
sergmaster881@mail.ru*

*Карлов Михаил Федорович,
сотрудник Академии Федеральной службы
охраны Российской Федерации
avtor@lawinfo.ru*

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы, касающиеся правового режима применения сотрудниками органов государственной охраны оружия, и в частности проанализированы отдельные изменения, произошедшие в законодательстве Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: органы государственной охраны, сотрудники органов государственной охраны, правовой режим применения оружия, основания применения оружия, условия применения оружия, порядок применения оружия.

The Legal Regime of Weapon Employment by Employees of State Protection Authorities. (An Analysis of Separate Changes in the Laws of the Russian Federation)

Pakhomov Aleksey V.

*Employee of the Academy of the Federal Guard Service
of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

Karlov Mikhail F.

*Employee of the Academy of the Federal Guard Service
of the Russian Federation*

This article deals with topical issues relating to the legal regime of the use of state protection of weapons by employees and, in particular, analyzes the individual changes that have occurred in the legislation of the Russian Federation in this area.

Keywords: *state security bodies, employees of state security bodies, the legal regime of the use of weapons, the grounds for the use of weapons, the conditions for the use of weapons, the procedure for the use of weapons.*

В 2017 г. в Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»¹ (далее — Федеральный закон «О государственной охране») были внесены отдельные изменения и дополнения, которые вступили в силу с 1 июля 2017 г.

Данные поправки коснулись в том числе и правового режима применения сотрудниками органов государственной охраны физической силы, специальных средств и оружия², в результате чего глава V Федерального закона «О государственной охране» претерпела значительные изменения в своем содержании.

Правовая природа вышеуказанных полномочий, предоставленных законом сотрудникам органов государственной охраны, основана на общем понятии «административное пресечение», которому в науке уделено значительное внимание, в частности в научных трудах таких авторов, как: А.И. Каплунов³, А.П. Коре-

нев⁴, В.Д. Ардашкин⁵, Д.Н. Бахрах⁶, И.И. Веремеенко⁷ и др.

Так, например, по мнению С.В. Благина, применительно к деятельности Федеральной службы охраны Российской Федерации под мерами административного пресечения следует понимать применяемые органами государственной охраны и их сотрудниками методы воздействия на субъектов административного права, направленные на прекращение противоправных деяний или событий, создающих угрозу безопасности объектов государственной охраны и охраняемых объектов⁸.

Сосредоточим внимание непосредственно на анализе правового режима применения сотрудниками органов государственной охраны оружия и из числа внесенных в Федеральный закон «О государственной охране» изменений (дополнений) определим и выделим те, которые были установлены зако-

¹ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

² Правовой режим применения сотрудниками органов государственной охраны физической силы, специальных средств и оружия установлен и подробно регламентирован главой V Федерального закона «О государственной охране», которая носит название «Применение физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов государственной охраны».

³ Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 325.

⁴ Корнев А.П. Административное право России. Ч. 1. М. : МЮИ МВД России, 2000. С. 221.

⁵ Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968. С. 8–9.

⁶ Бахрах Д.Н. Меры административного пресечения. Пермь, 1969. С. 22–23.

⁷ Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. М. : Юридическая литература, 1975. С. 63–71 ; Михайлов А.А. Административная юрисдикционная деятельность милиции: теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12, 13, 24.

⁸ Благин С.В. Административное принуждение в деятельности органов государственной охраны : монография. Орел : Академия ФСО России, 2017. С. 83.

нодателем в сфере вышеуказанного правового режима, и далее проведем сравнительно-правовой анализ соответствующих изменений (дополнений) с содержанием норм Федерального закона «О государственной охране» (подвергшихся изменениям) в его прежней (недействующей) редакции с целью выявления и определения характера и степени последовавших соответствующих изменений (дополнений), внесенных в Федеральный закон «О государственной охране».

Итак, изменения (дополнения) в сфере правового режима применения сотрудниками органов государственной охраны оружия коснулись в первую очередь положений ст. 24 Федерального закона «О государственной охране», определяющей условия применения сотрудниками органов государственной охраны оружия⁹.

И если ранее, например, в соответствии с п. 2 ст. 24 Федерального закона «О государственной охране» (в редакции Федерального закона «О государственной охране» от 18.06.2017 г. (далее — в прежней (недействующей) редакции Федерального закона «О государственной охране»)) при применении оружия сотрудниками органов государственной охраны обязаны были предупредить о своем намерении его использовать, предоставив при этом гражданам (физическим лицам) достаточное количество времени для выполнения ими законных требований сотрудников органов государственной охраны, то в действующей редакции, согласно п. 2 ст. 24 Федерального закона «О государственной охране», сотрудники органов государственной охраны перед применением оружия обязаны:

1. Сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение оружия, о том, что лица, намеренные применить оружие, являются сотрудниками органов государственной охраны.

2. Предупредить лиц, в отношении которых предполагается применение оружия, о своем намерении применить его.

3. Предоставить лицам, в отношении которых предполагается применение оружия, возможности (возможностей)¹⁰ и одновременно с этим времени для выполнения законных требований сотрудников органов государственной охраны.

Следующим нововведением, последовавшим в Федеральный закон «О государственной охране», необходимо считать введение абсолютно новой

⁹ См.: Статья 24 Федерального закона «О государственной охране».

¹⁰ Имеется в виду возможность, предоставляемая законодателем для правонарушителя, выполняющего требования сотрудника органов государственной охраны: сдать (положить) куда-либо оружие; покинуть помещение (выйти из него в определенном направлении); выпустить из своих рук захваченного (удерживаемого) человека и т.д.

нормы права, предусмотренной, в частности, п. 2.1 ст. 24 Федерального закона «О государственной охране», расширяющей перечень **условий применения оружия**, а именно дополняющей его еще одним, новым условием.

Так, согласно абз. 1 п. 2.1 ст. 24 Федерального закона «О государственной охране», сотрудники органов государственной охраны имеют право обнажить оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные ст. 27 Федерального закона «О государственной охране».

В дальнейшем при попытке лица, задерживаемого сотрудником органов государственной охраны с обнаженным оружием, приблизиться к сотруднику органов государственной охраны, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его оружию, в соответствии с абз. 2 п. 2.1 ст. 24 Федерального закона «О государственной охране», сотрудник органов государственной охраны имеет право применить оружие в соответствии с п. 1 ст. 27 Федерального закона «О государственной охране».

Представляется, что целью введения законодателем данной нормы является то, что она, во-первых, направлена на профилактику различных потенциально возможных противоправных действий со стороны любых третьих лиц, выражающихся в посягательстве (в любой из его форм) на сотрудника органов государственной охраны, а во-вторых, данная норма в прямом смысле «работает на опережение», т.е. способствует тому, чтобы так называемый эффект внезапности от возможного нападения на сотрудника органов государственной охраны со стороны каких-либо третьих лиц был, по крайней мере, снижен и сотрудник смог мобилизоваться (имел бы необходимые приготовления и был бы реально готов к отражению возможного нападения на него).

Также изменения (дополнения), касающиеся правового режима применения сотрудниками органов государственной охраны оружия, коснулись и отдельных положений специальных правил¹¹ применения сотрудниками органов государственной охраны оружия, закрепленных в ст. 27 Федерального закона «О государственной охране».

Так, например, если ранее п. 2 ст. 27 Федерального закона «О государственной охране» (в преж-

¹¹ Под данными специальными правилами (условиями) применения сотрудниками органов государственной охраны оружия следует понимать конкретные, непосредственно установленные Федеральным законом «О государственной охране» и составляющие основное содержание правового режима применения оружия сотрудниками органов государственной охраны основания применения сотрудниками органов государственной охраны оружия, а также порядок его применения ими.

ней (недействующей) редакции Федерального закона «О государственной охране») было предусмотрено (установлено) право сотрудников органов государственной охраны **использовать оружие** (право использования оружия сотрудниками органов государственной охраны) и к основаниям, дающим сотрудникам органов государственной охраны право использовать оружие, относились следующие: 1) необходимость остановить транспортное средство путем его повреждения, если водитель создает реальную угрозу безопасности объектов государственной охраны либо возникает опасность для жизни или здоровья людей; 2) защита людей от угрозы нападения опасных животных; 3) предупреждение о намерении применить оружие, необходимость подачи сигнала тревоги или вызов помощи, то в настоящее время законодатель пересмотрел свой взгляд на толкование понятия «использование оружия» и признает таковым лишь случаи использования оружия исключительно в качестве подручного средства. В свою очередь, понятие «применение оружия» законодатель стал трактовать значительно шире и к случаям (основаниям) его применения теперь он стал относить, по сути, все возможные случаи, когда оружие применяется по его прямому назначению, т.е. посредством производства из него выстрела.

Исходя из смысла данной переоценки, законодателю потребовалось все перечисленные им в п. 2 ст. 27 Федерального закона «О государственной охране» (в его прежней (недействующей) редакции) случаи (основания) использования оружия сотрудниками органов государственной охраны автоматически признать и далее считать случаями (основаниями) применения оружия (в дальнейшем относить именно к данному понятию).

И далее, следуя данной логике, практически все из ранее предусмотренных п. 2 ст. 27 Федерального закона «О государственной охране» (в прежней (недействующей) редакции Федерального закона «О государственной охране») случаев (оснований) использования сотрудниками органов государственной охраны оружия (с некоторыми незначительными изменениями в формулировках отдельных из них) законодателем были отнесены к понятию «применение оружия» и вошли в перечень соответствующих оснований применения оружия сотрудниками органов государственной охраны.

В результате внесенных в Федеральный закон «О государственной охране» соответствующих изменений в настоящее время вышеуказанная статья¹²,

¹² Изменения коснулись исключительно содержания п. 2 ст. 27 Федерального закона «О государственной охране». Содержание остальных пунктов данной статьи осталось прежним.

а именно п. 2. ст. 27 Федерального закона «О государственной охране» изложен следующим образом.

Сотрудники органов государственной охраны также имеют право применять оружие:

1) в случае необходимости остановить транспортное средство путем его повреждения, если водитель создает реальную угрозу безопасности объектов государственной охраны либо возникает опасность для жизни или здоровья граждан;

2) для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью граждан и (или) сотрудников органов государственной охраны;

3) для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении.

Таким образом, подводя итоги краткого (промежуточного) сравнительно-правового анализа содержания рассмотренных выше отдельных положений Федерального закона «О государственной охране», можно отметить, что законодатель в настоящее время существенно изменил правовой алгоритм применения оружия сотрудниками органов государственной охраны посредством внесения в Федеральный закон «О государственной охране» достаточно большого количества изменений, касающихся оснований, условий и порядка применения оружия. Кроме того, законодатель пересмотрел свой взгляд на такой вид права, ранее предусматривавшийся Федеральным законом «О государственной охране», как право на использование оружия сотрудниками органов государственной охраны, и практически «вывел» данный вид права из «правового поля»¹³.

¹³ Норма Федерального закона «О государственной охране» (в его новой (действующей) редакции), закрепляющая право сотрудника (сотрудников) органов государственной охраны использовать оружие, все же есть и она предусмотрена п. 3 ст. 26 Федерального закона «О государственной охране». В соответствии с вышеуказанной нормой в состоянии необходимости обороны или крайней необходимости сотрудники органов государственной охраны при отсутствии либо невозможности (нецелесообразности) применения специальных средств или оружия вправе использовать любые подручные средства (в том числе транспортные). И хотя из содержания п. 3 ст. 26 Федерального закона «О государственной охране», изложенного в его новой (действующей) редакции не ясно или, по крайней мере, не до конца ясно, предусматривается ли возможность для сотрудника органов государственной охраны, находящегося и действующего в вышеуказанных условиях (в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости), использовать в качестве подручных средств оружие, по нашему мнению, исходя из смысла содержания п. 3 ст. 26 Федерального закона «О государственной охране», в числе прочих «вариантов» прямо не предусматривается, но (по смыслу) допускается возможность использования сотрудником органов государственной охраны оружия в качестве подручного средства.

Литература

1. Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис... канд. юрид. наук / В.Д. Ардашкин. Томск, 1968. 17 с.
2. Бахрах Д.Н. Меры административного пресечения / Д.Н. Бахрах. Сборник «Административная ответственность и гарантии ее законности». Пермь, 1969. С. 22–23.
3. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции / И.И. Веремеенко. М. : Юридическая литература, 1975. 192 с.
4. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук / А.И. Каплунов. М., 2005. 498 с.
5. Корнев А.П. Административное право России : в 3 ч. Ч. 1 / А.П. Корнев. М. : Щит-М, 2000. 306 с.
6. Административное принуждение в деятельности органов государственной охраны : монография / С.В. Блатин. Орел : Академия ФСО России, 2017. 199 с.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ СИБИРСКОГО КОРПУСА В 60-Е ГОДЫ XVIII В.

*Пузанов Владимир Дмитриевич,
профессор кафедры истории и права
Шадринского государственного педагогического университета,
доктор исторических наук
alan1971@bk.ru*

К 1763 г. русская армия состояла из 8 дивизий и 2 отдельных корпусов на востоке — Оренбургского и Сибирского. К 1764 г. на содержание состоящего в Сибири регулярного и нерегулярного войска тратилось 136 723 руб. К 1763 г. в Сибирском корпусе состояли 8 полков и 1 батальон, драгунские полки — Олонетский, Луцкий, Вологодский, Троицкий, гарнизонные драгунские полки — Сибирский, Новоучрежденный, пехотные полки — Тобольский, Енисейский и Новоучрежденный батальон. В ноябре 1763 г. в Сибири началось формирование Селенгинского и Томского пехотных полков. Томский и Селенгинский пехотные полки были сформированы в Сибири с большим трудом, но задержались в крае ненадолго. В 1769 г. эти полки были направлены из Сибири в Европейскую Россию для участия в войне с Турцией.

Ключевые слова: драгуны, солдаты, полк, крепость, указ, губерния, уезд.

Military Forces of the Siberian Corps in the 1760s

*Puzanov Vladimir D.
Professor of the Department of History and Law
of the Shadrinsk State Pedagogical University
Doctor of History*

By 1763, the Russian army consisted of 8 divisions and 2 separate corps in the east, these were the Orenburg corps and the Siberian corps. By 1764, 136,723 rubles were spent on the maintenance of the regular and irregular troops in Siberia. By 1763, in the Siberian corps consisted of 8 regiments and 1 battalion, dragoon regiments — Olonets, Lutsky, Vologda, Troitsky, garrison dragoon regiments - Siberian, Newly Established, infantry regiments — Tobolsk, Yenisei and Newly Established Battalion. In November 1763, the formation of the Selenginsky and Tomsk infantry regiments began in Siberia. The Tomsk and Selenginsky infantry regiments were formed in Siberia with great difficulty, but did not stay long in the region. In 1769, these regiments were sent from Siberia to European Russia to participate in the war with Turkey.

Keywords: dragoons, soldiers, regiment, fortress, decree, province, county.

В эпоху Петра I гарнизонные полки стали основой военных сил Сибирской губернии. В первой половине XVIII в. в Сибири были сформированы 5 регулярных гарнизонных полков — 2 драгунских и 3 пехотных и 1 пехотный батальон. Однако к середине XVIII в. этих сил было мало для защиты больших пространств Сибирской губернии. В правление Елизаветы Петровны в Сибирь были посланы 5 полков полевой армии. Это были Олонецкий, Вологодский и Луцкий драгунские полки, а также Ширванский и Нашебургский пехотные полки. Сенат все войска Сибири подчинил главному командиру Сибирского корпуса, который был подотчетен Военной коллегии. В XVIII в. из городов — центров уездов Сибири военные силы постепенно были переведены на особые линии укреплений, защищавшие южные границы края. В 1715–1720 гг. русскими войсками в результате нескольких экспедиций по указу Петра I были построены крепости Иртышской линии. К 1747 г. на российском Алтае возникли укрепления Колыванской и Кузнецкой линий. В 1765–1770 гг. к востоку от старых укреплений были построены новые Колыванская и Кузнецкая линии. В 1752–1756 гг. части русской армии и крестьяне края построили Новую Ишимскую линию, укрепления которой защищали от набегов земли Сибирской губернии от Звериноголовской до Омской крепости. В 1763 г. к югу от Иртышских крепостей началось строительство укреплений Бухтарминской линии¹.

В 1759 г. губернатор Сибири Ф.И. Соймонов сообщил в Сенат, что на востоке Сибири, «состоит крайний недостаток» военных сил. На расстоянии 360 верст от Кузнецкой до Иркутской линии, по данным губернатора, вообще не было никаких караулов. Соймонов предложил организовать защиту Восточной Сибири, сформировав 4 ландмилицких регулярных конных полка.

Восточная Сибирь находилась, по рапорту коменданта Селенгинска Варфоломея Якоби в Сенат от 22 октября 1763 г., «...в великом отдалении от России» и при нападении соседей «довольной обороны иметь невозможно»². Варфоломей Якоби был опытным и старым военным чиновником, который хорошо знал положение Восточной Сибири. В 1741 г. бригадир В. Якоби был назначен Военной коллегией комендантом Селенгинска³. Якоби на этом посту

получал под команду все пограничные дела Иркутской провинции Сибири, главным образом отношения с Китаем и Джунгарией. Якоби служил в русской армии с 1711 г., участвовал в Северной войне, войнах с Турцией, войне за польское наследство. В 1762 г. В. Якоби получил чин генерал-майора, а позже — чин генерал-поручика.

К 1763 г. русская армия состояла из 8 дивизий и 2 отдельных корпусов на востоке — Оренбургского и Сибирского. К 1764 г. на содержание состоящего в Сибири регулярного и нерегулярного войска тратилось 136 723 руб. Всего на содержание русской армии в это время шло 7 631 913 руб.⁴ По справке Военной коллегии, к 1763 г. в Сибирском корпусе состояли полки драгунские — Олонецкий, Луцкий, Вологодский, Троицкий, гарнизонные драгунские — Сибирский, Новоучрежденный, пехотные — Тобольский, Енисейский и Новоучрежденный батальон⁵. Позже в Сибирь были направлены дополнительно еще 2 драгунских полка — Ревельский и Азовский.

В 1763 г. на линиях Сибири в 6 драгунских полках служил 5141 чел., а также 122 артиллериста, 145 инженеров, 1217 городских казаков, 779 крепостных казаков и 937 донских казаков, 504 чел. башкир и мещеряков — всего 7578 чел. В крепостях и на форпостах линий Сибири находилось 240 орудий. На Иртышской линии служили донские и крепостные казаки, на Кузнецкой — городские казаки, на Новой линии — городские казаки, башкиры и мещеряки.

В 1764 г. Военная коллегия по утвержденному Императрицей докладу Воинской комиссии сформировала 84 гарнизонных батальона из гарнизонных полков России. Эта реформа проводилась для экономии средств, и, как объяснял закон, «полковое положение во всех исправлениях и экономии более заботы и труда требует, и много излишних чинов к гарнизонной службе ненужных имеет, нежели те батальоны, которые теперь учреждаются...»⁶.

В результате после 1764 г. в Сибири служили 7 гарнизонных батальонов и 8 драгунских полков. В Тобольске служили 3 батальона, в Томске — 1, в Иркутске — 1, в Селенгинске — 2. Из батальонов Тобольска командировались отряды в города Тюмень из 2 рот, Тару — из 2 рот, Красноярск — из 1 роты. На линии служили драгунские фузилерные полки

¹ Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. С. 19.

² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/147. Д. 722. Л. 5.

³ Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. : структура и состав государственного аппарата. М. : Древлехранилище, 2003. С. 126.

⁴ Лебедев А. Русская армия в начале правления Екатерины II. Материалы для русской военной истории. М., 1899. С. 1.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/147. Д. 694. Л. 3–5.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 43, ч. 1. Книга штатов. Отделение первое. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 12135.

Троицкий, Азовский, Луцкий, Олонецкий, Вологодский и драгунские гренадерские полки Ревельский и Колыванский⁷.

В правление Екатерины II правительство проводит крупные войны и большие военные реформы. В итоге численность русской армии выросла с 330 000 до 500 000 чел. В 1763 г. Екатерина II указом повелела организовать в Сибири 7 регулярных полков: 2 карабинерных — Якутский и Тюменский и 5 пехотных — Иркутский, Селенгинский, Нерчинский, Томский, Енисейский. Фельдмаршал П.С. Салтыков предложил набрать в новые полки Сибири русских старообрядцев из Польши, которых вернули в Россию войска. 19 июля 1762 г. и 13 мая 1763 г. были изданы манифесты Екатерины российским подданным, бежавшим в Польшу, чтобы они возвращались в отечество без опасения. Начальникам было приказано отправлять вернувшихся беглецов в государственные волости и на прежнее жилище кто «куда идти пожелает». Тех беглецов, которые не вернулись по желанию и были привезены в Россию отрядами, было решено отправить в Сибирь для комплектования в крае 7 новых полков⁸. Малочисленность сибирских людских резервов привела к плану формирования новых полков Сибири за счет выведенных из Польши ссыльных. Военная коллегия приказала новому командиру Сибирского корпуса генералу Шпрингеру укомплектовать ссыльными 3 новых части — Якутский карабинерный, Томский и Селенгинский пехотные полки. На поселение отправляли только тех ссыльных, которые были негодны к военной службе.

Однако в действительности в это время правительству удалось сформировать в Сибири только Якутский карабинерный, Селенгинский и Томский пехотные полки. 26 ноября 1763 г. Императрицей был подписан указ о формировании Селенгинского пехотного полка, а 27 ноября 1763 г. — Томского пехотного полка⁹. Командиром Томского полка был назначен полковник Андрей Влавер — голландский шляхтич, лютеранин, в возрасте 38 лет, происходивший из штаб-офицерских детей. Службу он начал в 1749 г. капралом гвардии. Офицерский корпус полка формировался из офицеров из российских и сибирских полков. Так, в 1767 г. в Томский полк прибыл из Санкт-Петербурга выпущенный из кадетов

в подпоручики полка Александр Бахирев с денщиком, а также из сибирского гарнизона — капитан и прапорщик Селенгинского полка. Возвращенных из Польши русских беглецов было недостаточно для формирования полка. Позже выяснилось, что большинство беглых старообрядцев избежали направления в Сибирь. 29 ноября 1763 г. генерал-майор Салтыков сообщил, что всего из Польши был взят 1001 беглый, в том числе 201 женщина, 203 ребенка мужского пола и 187 — женского. В службу годились только 410 чел.¹⁰

К 15 марта 1765 г. в Польше было взято 2496 беглецов, из них в Тобольск привели только 164 чел. В результате Томский полк формировался из самых разных групп населения России. В 1767 г. в капралы полка были зачислены бывший подканцелярист Енисейска, капрал и солдат Тобольской губернской роты. В гренадеры полка были зачислены 2 гренадера Селенгинского полка, 4 солдата Тобольского батальона, 5 военных арестантов, 1 ямщик из Верхотурья, 1 казак из Енисейска, 1 бывший подпоручик, записанный в рядовые «за некоторой проступок». В мушкетеры полка были взяты 6 чел. из Селенгинского полка, 18 солдат и 2 профосов Тобольских батальонов, из сибирских детей боярских — 2 чел., 31 чел. — из военных арестантов, 5 чел. — из гарнизонных батальонов Казани, 1 флейтщик из Селенгинского полка, 2 чел. — из церковного притча.

По рапорту командира Сибирского корпуса генерала И.И. Шпрингера, к 22 мая 1767 г. в Томском пехотном полку по списку состояли 1206 чел., из которых на полковую квартиру полка в Усть-Каменогорскую крепость был отправлен 691 мушкетер, в результате при полку состояли на лицо 337 чел. К тому же в полк, состоящий из 1893 чел., требовалось набрать 687 чел. В рапорте отмечалось, что на полковой квартире в крепости находились из «определенных в службу» 35 мужчин и 329 женщин, а также дети и подростки в возрасте от 4 до 15 лет: 103 — мужского пола и 84 — женского — всего 551 чел., и назначенных на поселение — 13 мужчин и 10 женщин, а также дети и подростки в возрасте от 4 до 15 лет: 8 мужского пола и 11 — женского — всего 42 чел.¹¹

Селенгинским полком командовал полковник Иван Якоби 34 лет, сын Варфоломея Якоби, «из иноземцов... из шляхетства старых выездов», лютеранин по вероисповеданию. 11 апреля 1747 г. он вступил в службу в возрасте 14 лет, 25 апреля 1747 г. стал ка-

⁷ Альбовский Е.А. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск: Тип.-лит. Б.И. Соломонова, 1902. С. 8.

⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1631. Л. 154.

⁹ Леонов О.Г., Ульянов И.М. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995. С. 278.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1631. Л. 95.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив. Оп. 3/214. Д. 83. Л. 131–136.

прапом, 29 мая 1747 г. — сержантом. В 15 лет Иван Якоби получил первый офицерский чин, 16 мая 1748 г. стал прапорщиком, а через 5 лет, 23 сентября 1753 г., — поручиком. 28 июня 1756 г. стал капитаном, а 30 ноября 1756 г. — секунд-майором. 23 октября 1762 г. получил чин подполковника, а уже 5 августа 1764 г. стал полковником. При этом к 1767 г. Иван Якоби не участвовал ни в одной военной кампании: «в походах не бывал, токмо в посылках». Однако надо отметить, что Иван Якоби участвовал в двух дипломатических поездках в Китай — в 1753 и 1756 гг. по указу Елизаветы Петровны «ездил к китайскому двору» и был достаточно образованным человеком — знал русскую и немецкую грамоты, т.е. мог не только говорить, но и читать и писать на этих языках, а также арифметику и фортификацию¹². В полку служил капитаном еще один представитель фамилии — Петр Якоби в возрасте 22 лет, который был записан в службу с 1755 г. Позже Иван Якоби стал крупным чиновником. 25 сентября 1771 г. он получил чин генерал-майора. К 1779 г. И. Якоби дослужился до должности губернатора и командира войск Астраханской губернии.

По рапорту И.И. Шпрингера от 13 октября 1767 г. в Военную коллегию, к январю 1767 г. в Селенгинском полку по штату должно было состоять 1893 чел., а по списку был 1881 чел. Из них в отлучках находились 486 чел. — в дальних 437 чел., в ближних — 49 чел., в полку на лицо состояло 1395 чел. — 1308 чел. здоровых и 87 чел. больных¹³. По данным Шпрингера, за полгода, с сентября 1766 по январю 1767 г., в полк прибыли 194 чел. Большую часть из них составили переведенные 159 мушкетеров из селенгинских гарнизонных батальонов, «способных к полевой службе». 15 чел. были зачислены в мушкетеры из «выведенных из Польши беглых российских людей», 4 чел. зачислены из «явившихся собою из бегов», 1 — из военных арестантов, 1 чел. из крестьян за воровство зачислен в денщики, 1 — из учеников гарнизонной школы города Тобольска. 2 офицера — подпоручик и прапорщик с денщиками, 7 мушкетеров гарнизонных батальонов Тобольска, 1 сержант из солдатских детей, а также 1 чел. из посадских города Селенгинска были взяты в гренадеры по их желанию.

В то же время убыло из Селенгинского полка 189 чел., из них 159 — в мушкетеры гарнизонных батальонов Селенгинска «за старостью и неспособностью быть в полевой службе», 4 чел. по той же

причине отправлены в гарнизонные батальоны Тобольска. В Томский батальон был переведен сержант, а в Иркутские городские роты — 1 мушкетер. В отставку «на свое пропитание» были отправлены капитан с денщиками и полковой обозный. Кроме того, 2 мушкетера и 2 погонщика бежали, 2 умерли, а 1 мушкетер за убийство наказан кнутом и послан в Нерчинский завод.

К 1769 г. Селенгинский полк насчитывал по списку 1965 чел., а по штату — 2001 чел. Из полка, состоящего из 683 чел., было командировано 41 чел. в дальние отлучки, а 642 чел. — в ближние отлучки. Перед отправкой в Россию полк был пополнен на 194 чел., большая часть (180 чел.) которых была взята в полк в качестве рекрутов в Иркутске, 14 чел. поступили в гренадеры, 140 чел. — в мушкетеры, 10 чел. — в погонщики и 16 чел. — в денщики¹⁴.

В 60-е годы XVIII в. происходит вывод полевых войск из Сибири, что было следствием активной внешней политики Екатерины II в Европе. Продолжительные и напряженные войны требовали от правительства мобилизации всех сил, формирования новых полков и переброски уже существующих в Европейскую Россию, откуда их можно было легко направить на фронт. В связи с этим стратегия Екатерины II заключалась в защите далеких восточных провинций России, откуда полевые полки было бы очень долго выводить силами главным образом легких казачьих войск и полевых батальонов, сосредоточенных в наиболее важных центрах.

Томский и Селенгинский пехотные полки были сформированы в Сибири с большим трудом, но задержались в крае недолго. Когда началась война с Турцией (1768–1774 гг.), потребовавшая от России направления на юг крупных военных сил, Военная коллегия потребовала от И.И. Шпрингера вывести из Сибири 2 полевых пехотных полка, а также по 1 эскадрону от всех сибирских драгунских полков. В январе 1769 г. И.И. Шпрингер сообщил в Военную коллегию, что 2 пехотных полка и драгуны сибирских полков выступили в Казань. В результате прикрытие сибирских линий было серьезно ослаблено. И.И. Шпрингер писал, что теперь «в людях... по тамошним обширным расстояниям, состоящим по линиям большой недостаток и нужда состоит». Генерал просил разрешения Военной коллегии на формирование 5 нерегулярных полков казаков для замены ушедших частей¹⁵.

¹² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83. Л. 207–208.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83. Л. 203.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 100. Л. 275.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 937. Л. 87.

25 ноября 1769 г. член Военной коллегии генерал-майор князь Щербатов прислал рапорт в Военную коллегию, в котором сообщил, что получил рапорт от полковника Селенгинского полка Ивана Якоби, который с полком прибыл из Сибири в Казань. К 5 января 1770 г. полк дошел до Тамбова. К этому времени в полку по штату должно было состоять 2093 чел., а по списку было 2073 чел., из которых 1874 считались здоровыми, а 169 — больными, еще 30 чел. находились «в дальних отлучках»¹⁶.

Томский и Селенгинский полки хорошо показали себя в походах и сражениях русско-турецкой войны. После окончания войны с Турцией Томский и Селенгинский полки не были возвращены в Сибирь. В Расписании войск в 80-е годы XVIII в. отмечено, что Томский и Селенгинский пехотные полки

находились в это время в городах Поволжья — Свияжске и Чебоксарах в составе Казанской дивизии под командованием генерал-аншефа И.П. Салтыкова¹⁷. В 1784 г. Томский и Селенгинский полки были расформированы в Европейской России, а личный состав направлен на формирование новых частей. Из Томского полка был сформирован Кавказский гренадерский полк, а из Селенгинского — Кубанский егерский корпус¹⁸.

Крепостное строительство и формирование вооруженных сил на границе Сибири стали двумя частями процесса формирования военно-административной системы края, обеспечивавшей его колонизацию русским населением.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 846. Л. 60.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 20. Д. 371. Л. 1.

¹⁸ Леонов О.Г., Ульянов И.М. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995. С. 278.

Литература

1. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата / М.О. Акишин. М.: Древлехранилище, 2003. 406 с.
2. Альбовский Е.А. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк) / Е.А. Альбовский. Минск: Тип.-лит. Б.И. Соломонова, 1902. 316 с.
3. Лебедев А. Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II: Материалы для русской военной истории, изд. Андреем Лебедевым по рукописи, ему принадлежащей / А. Лебедев. М.: Унив. тип., 1899. 114 с.
4. Леонов О.Г. Регулярная пехота, 1698–1801: Боевая летопись. Организация. Обмундирование. Вооружение. Снаряжение / О.Г. Леонов, И.М. Ульянов. М.: АСТ, 1995. 293 с.
5. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Огурцов. Свердловск, 1990. 22 с.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Для военнослужащих установлен запрет на размещение в СМИ и Интернете информации, связанной с прохождением военной службы

Определено, что военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, запрещается предоставлять СМИ либо с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" распространять или предоставлять информацию:

- позволяющую определить принадлежность или предназначение военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, к Вооруженным Силам РФ, другим войскам, воинским формированиям и органам;
- о других военнослужащих и гражданах, призванных на военные сборы, гражданах, уволенных с военной службы, членах их семей или их родителях, в том числе информацию, позволяющую определить место нахождения указанных лиц в определенный период другим лицам;
- о своей деятельности или деятельности других военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и граждан, уволенных с военной службы, связанной с исполнением обязанностей военной службы;
- о деятельности органов военного управления или органов управления другими войсками, воинскими формированиями и органами, о деятельности объединений, соединений, воинских частей и иных организаций, входящих в состав Вооруженных Сил РФ или других войск, воинских формирований и органов, о деятельности подразделений указанных органов военного управления или органов управления, воинских частей и организаций, в том числе информацию о дислокации или передислокации органов военного управления или органов управления, объединений, соединений, воинских частей, организаций и подразделений, не отнесенную к перечню сведений, составляющих государственную тайну.

Нарушение указанных запретов будет расцениваться как грубый дисциплинарный проступок.

См.: Федеральный закон от 06.03.2019 № 19-ФЗ